

В Ленинграде началась подготовка к празднованию 80-летнего юбилея старейшего революционера и виднейшего ученого Николая Александровича Морозова. В 1881 г. Морозов был арестован и по «процессу 20» приговорен к смертной казни, замененной вечной каторгой. Больше 20 лет провел он в Шлиссельбурге.

Литературная газета

ОРГАН ОРГКОМИТЕТА СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР И РСФСР

№ 70 (386)

4 ИЮНЯ 1934 ГОДА

ВЫХОДИТ ЧЕРЕЗ ДЕНЬ

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ

Завтра, в 6 ч. веч., в Доме печати открывается всеобщее совещание по художественному очертанию.
След писателей Западной Сибири назначен на 18 июня. Приглашаем представителей Оргкомитета Союза писателей, Восточной Сибири, Свердловской и Челябинской областей и Казахстана. След обсудит работу Оргкомитета, работу журналов «Сибирские огни», заслушает доклады о произведениях сибирских писателей.
Ленинградский музей революции открыл новый филиал в бывшем дворце графа Аряжцева на ст. Грузино Октябрьской железной дороги. В пяти комнатах нового музея сосредоточены интересные материалы, отражающие царствование Николая I, Александра II и Александра III. (РОСТА).

Дневник

Литературной газеты

4 ИЮНЬ

Внимание всей Советской страны, а также всего подлинных друзей мира за ее пределами привлекено к угрозе войны, нависшей с Дальнего Востока. Агрессивная политика японского империализма, его антисоветские провокации, откровенная пропаганда войны в СССР, ведущая на страницах японских газет, в десятках книг, написанных и беллетристами и гонимыми, что иногда совпадает, ставит нас перед особенно важным вопросом обороны Советского Союза.

Советские писатели всегда считали и считают тематикой Красной армии и обороны своей первоочередной тематикой, они готовы служить делу обороны и в качестве мастеров художественного слова и в качестве бойцов Рабоче-Крестьянской Красной армии.

Сейчас от них прежде всего требуется участие в обороне страны художественным произведением.

Дальневосточная тема совершенно естественно привлекает сейчас особое внимание советских писателей. Знать врага — совершенно обязательно для того, чтобы успешно с ним бороться. В советской литературе уже есть произведения на дальневосточную тему, причем такие произведения, которые берут эту тему не как эзоповскую иносказку, а реалистически, вскрывая классовую посылку так называемой японской экзотики. Однако этих произведений еще очень мало, и их уровень далеко не удовлетворяет.

То же можно сказать и о произведениях на другие военно-оборонные темы. Советская литература имеет здесь уже солидный актив, но нужно видеть много больше и много лучше.

Идеологической борьбой за высококачественную оборонную литературу должно всеобщее оборонное совещание, созванное в порядке подготовки к с/зду. Участие в этом совещании большого количества писателей, их активный интерес к постановке на совещании вопросов, серьезность выступлений на нем — все это говорит о том, что советские писатели сознают свою ответственность в деле обороны страны, что они готовы к обороне.

Работно отметить, что оборонное совещание облаго самоуспеху хорошей подготовке и организации, чего как не хватало происходившим до этого совещания, которые никак нельзя назвать удавшимися.

Страна наша проявляет громадный интерес к самым разнообразным справочным изданиям типа энциклопедий и словарей. В связи с этим

Конференция писателей Дальнего Востока

ХАБАРОВСК (по телеграфу). 5 июня в Хабаровске открывается первая краевая конференция советских писателей и литружков Дальнего Востока. В конференции примут участие 60 делегатов; 15 от Приморской обл., 6 от Амурской обл., 6 от Березовской, 4 от г. Комсомольска, 1 от Сахалина, 1 от Николаевска на Амуре, 10 от Хабаровска, 12 от ОКДВА и 6 персонально приглашенных писателей. Уже выбраны делегаты от Приморья, Амурской обл., Комсомольска, Николаевска. В числе делегатов Приморья два китайских писателя: драматург-режиссер Владивостокского китайского театра Цой-Эн и поэт Чан-Шань, два корейских поэта Хан и Юрлен.

В порядке подготовки к краевой конференции литружков города Комсомольска выпускает первый литературный сборник «Комсомольск». Сдан в печать китайский литературный сборник (на корейском языке) «Сонг-Сонг» с участием 10 авторов. Выпущено сборника руководящих директив на Дальний Восток известным китайским пролетарским поэт Эми-Сю, который проделал в

трудно переоценить политическое и культурное значение таких изданий, как Большая и Малая советские энциклопедии. Несмотря на ряд недостатков, безусловно, большую роль играет и Литературная энциклопедия. Но, во-первых, она чрезвычайно громоздка и сложна, а во-вторых, еще не закончена изданием.

Между тем литература и критика в нашей стране перестали быть делом узкой группы профессиональных литераторов. Литература в нашей стране стала частью общепролетарского дела. Литературой в нашей стране «занимаются» широкие массы трудящихся. Бе (литературу) любят, читают и изучают колхозники, красноармейцы, инженеры, чекисты, студенты, рабочие, парторганизации... На широких рабочих собраниях, на совещаниях партийного актива, на слетах «знатных людей» Советского Союза, в литружках гигантов социалистической индустрии происходит процесс освоения классического литературного наследства и изучения нашей современной поэзии и прозы.

Вот эти-то группы читателей и предельно все более и более настойчивый спрос (наша редакция все чаще и чаще получает соответствующие письма) на совершенно спешительное издание — на портативный охотничий литературный словарь.

Новый «миллионголовый» читатель нуждается в таком словаре, который, соединяя безусловную научность с подлинной популярностью, был бы в пределах сравнительно небольшого размера бесспорный справочный материал о литературных терминах, танах, фактах литературной жизни, сведения о виднейших представителях русской и иностранной литературы.

В пути создания такого словаря встретятся значительные трудности, ибо он должен обслужить читателей чрезвычайно разнообразных как по своему общекультурному уровню и литературным знаниям, так и по тем требованиям, которые к нему могут быть поставлены к содержанию и форме издания.

Тут, безусловно, придется провести большую подготовительную работу и по определению содержания будущего издания, и по разработке плана и по привлечению авторов. Само собой разумеется, решающий голос в определении характера книги должен принадлежать ее будущим потребителям.

Но игра стоит свеч! Требования массового читателя нужно удовлетворять во что бы то ни стало. Словарно-энциклопедическое издание, имеющее столь огромные заслуги перед читателями страны социализма, должно обслужить наше предложение.

15 июня сдается в печать первый в крае корейский литературно-художественный альманах. Сдана в печать третья книга краевого литературно-художественного журнала «На рубеже».

В порядке подготовки к конференции владивостокская газета «Красное знамя» выпускает литстраницы со взглядом творчества местного литактива. На крупнейшем предприятии Хабаровска — Дальсельмаше, Нефтестрое, и других силах Оргкомитета проводятся литературные вечера.

Сто совещательных голосов на краевой конференции дается научным, культурным работникам, ударникам, предприятиям, колхозам, работникам искусства.

ЧТО ВЫ ЧИТАЕТЕ?

БЕСЕДЫ О ЛИТЕРАТУРЕ

В. А. АНТОНОВ-ОВСЕНКО — прокурор РСФСР

СВЕЖЕЕ ДЫХАНИЕ

Мне пришлось провести несколько лет за рубежом, и я следил за литературой Запады. Пробегая мысленно по именам книг, литературным сенсациям, хочется воскликнуть: «О, поле, поле, что тебя усеял мертвыми костями?» Мрачная штука. Запады тления, запах смерти опутывает поднимаются от великой некоей литературы. Немного исключений — первое и значительнейшее из них Ромен Роллан — настолько перестали переживать их.

Советская литература — какой контраст, какое свежее дыхание после затхлого склепа. Советская литература — бушующая молодая поросль. Может быть, ждущая своего садовника, потому что отдельные побеги искривлены, но какие прекрасные молодые деревья украшают ее. Назовем имя. Шолохов.

Его органический оптимизм, беззащитный и широкий охват действительности, поиск ее в развитии, в становлении, его свежесть, его близость к своему времени не могут не пленять читателей. Шолохов — один из молодых наших писателей, составивших надежную будущность советской литературы.

Но ведь и писатели старшего поколения, писатели, чей облик, казалось бы, сложился вполне и навсегда, они тоже переживают на наших глазах заметные изменения. Эренбург. Его холодное, скептическое неприятие старого мира и тепловатое, но столько же скептическое ощущение, которое этот мир перестраивают, — они, кажется мне, ушли в прошлое. Эренбург социально помолодел. «День второй» — значительная книга. Да, это еще не ментальное полотно нашего времени. Это мозаика, если хотите. Но с каким мастерством, с каким подлинным интересом и наблюдательностью художника, с какой теплотой выписана каждая деталь этой мозаики.

Литература, прежде всего — слово, речь. Пушкин был новатором, и современники обвиняли его в том, что он пишет просто. Но это же — идеал! Когда я называл научно-популярный журнал «Природа» и хотел наиболее точно сформулировать требования к авторам, кто-то подсказал мне: писать, как Пушкин. Вот именно, как Пушкин, надо писать. Что же сказать о современных писателях?

Я приготовил книги к вашему приходу, возьмем любую... На ловца и зверь бежит — «Бруски!» Как хотите, а я просто не понимаю эту книгу. Что такое гамма? Что такое омега? Я думаю, омега — собственное имя, а через три страницы выяснилось, что омега — попросту человек в очках. Зачем это нужно?

Разрешите и обойду ваш вопрос, скажу свое. Интересно мое мнение об этих книгах? Не думаю... Ну, то, что я скажу, будет еще интереснее. У нас на Ткацкой — между прочим мы первые на Трехгорке применили эту форму работы — проработали «Поднятую целину». Признаюсь прямо: когда начинали — уверенность в успехе не было. Состав работников у нас, как вы знаете, своеобразный, а хотелось, чтобы участвовали не единицы, не десятки, не только актеры, но все.

У нас в смене 500 человек. И всех их следовало обеспечить книгами. Достали мы всего 40 книг. Мы достали их с превеликим трудом, и вы не представляете даже, на что мы только ни шли, чтобы урвать лишнюю экземпляры. Книжки раздавались книгоношам, которые выделены у нас на каждом этаже. Для того, чтобы заинтересовать остальных работников, и ежедневно читала роман вслух в буфете перед сменой.

Тут впервые стало понятно, что сомнений наши не основательны. Книга открывала я книгу, как лютное кольцо людей снимало меня. Если я опаздывала, они уже ждали меня и требовали: скорей! «Поднятую целину», сами понимают, в два-три приема не прочтешь вслух. И день за днем собирались мои слушатели, за час до работы, не пропускали, не опаздывали.

Меня поражает неясность советской литературы, это стремление освоить все гигантское разнообразие явлений нашей действительности. Но качество освоения — вопрос иной. Я хотел бы сказать о пьесе Погодина «После бала», которую видел недавно. Я останавливался на ней потому, что она задержала мое внимание своими достоинствами в первую очередь. Но говорить буду о недостатках.

В пьесе любовно выписана девушка-колхозница, — простите, не помню имени, — которую превослоло, но чуть огульно, — зачем? — играет Бабаюнов. Но противопоставленный героине образ молодой женщины-агронома — не типичный, надуменный в своей основе образ.

Эта молодая женщина-агроном убивает себя. Она не находит места в жизни. Почему? Никак не мотивировано. Будем снисходительны к автору и попытаемся найти мотивировку сами. Потому что она происходит из враждебной среды? Потому, что отец ее оказался антисоветским человеком? Но ведь она с пяти лет жила в колхозе. В пьесе есть и другие недостатки, которые бы неужелюбно толкали ее на гибельный путь. Нет, это надумано и социально неоправдано. Здесь явно недооценена переосмысливающая сила нашей школы и всей обстановки наших дней. Это вредно, наконец, потому что многие и многие спешат к старшему поколению (притом, пришедшие к нам из чужого лагеря, нуждающиеся в нем к себе отношении, — они честно и самоотверженно служат новой своей родине.

Вне связи с Погодиным хотелось бы сказать, что мы гибельно переживаем людей. По-человечески это понятно. Нетерпеливое ожидание полного достойного великой эпохи произведения свойственно всем нам в одинаковой мере. Но, право

Нас, ученых, обвиняют в том, что пишем мы непонятно. Уверяю вас, когда я пишу для широкой аудитории, я пишу понятно и просто. Но ведь писатели пишут для аудитории, неравномерно, более широко. Зачем нагружать они язык бесконечными техническими терминами? Читая, мне приходится то и дело обращаться к помощи словаря, причем часто, кстати, обнаруживается, что в употреблении термины неправильно.

Теперь о содержании. Когда появился на свет Бабаюнов, то критики различно объясняли его: по нитке не усомнился в его реальном общественном бытии. Вот такого рода образ не вижу я в современной литературе. Передо мной проходит лица, но не типы. Современная литература не дает мне углубленного знания действительности, не показывает новых

сторон ее. Новое сообщает разве только фельетоны Михаила Кольцова, которые читаю я с превеликим удовольствием. Кольцов работает методом художественной литературы, но пренебрегает к этому острый взгляд журналиста, газетчика. Газета настолько обширнее и глубже, чем художественная литература, информирует она меня. Порой являюсь мыслью, что писатели, как и я, черпают материал не в наблюдении жизни действительности, а в газетках. К газеткам, а не романам обращается будущий историк нашей эпохи.

За всем тем я люблю многих из современных писателей. Начну с Горького. Его «Детство» и «В людях» наряду с другими классическими произведениями способны и пережить будущее. Конечно, количество и пережитое было бы бесконечное количество, но пережитое было бы бесконечное количество. Конечно, пережитое было бы бесконечное количество. Конечно, пережитое было бы бесконечное количество.

В прения записалось столько народу, что пришлось за поздним временем прервать выступление, не исчерпав списка. Выступал далеко и

ЧЕЛЮСКИНЦЫ — СОВЕТСКИМ ПИСАТЕЛЯМ

В связи с предстоящим всесоюзным съездом писателей нами получена от челюскинцев с парохода «Смоленск» следующая радиотелеграмма: Челюскинцы и летчики, принимавшие участие в спасательных операциях, приветствуют первый всесоюзный съезд советских писателей. Вам, «инженерам душ» — строителям социалистической психики и сознания миллионов масс, — наши особенные пожелания. Вы работаете и боретесь на одном из труднейших участков общего фронта. Залог вашей победы, как и нашей, — преданность, верность и любовь нашей партии, нашему Сталину, всему великому делу социалистического строительства.

Имеем вашу руку, товарищи. БОБРОВ, СЕРГЕЙ СЕМЕНОВ, БАЕВСКИЙ, КОПУСОВ, ЗАДОРОВ, ЛЕВАНОВСКИЙ, МОЛОКОВ, КАМАНИН, ВОДОПЬЯНОВ, ЛЯПИДЕВСКИЙ.

Накануне съезда писателей БССР На белорусские темы

В литературных кругах советской Белоруссии наступило в последнее время оживленное ожидание. Чувствуется приближение республиканского съезда советских писателей БССР: он открывается в Минск 8 июня. Оргкомитетом ССН Белоруссия развинута большая подготовительная работа к съезду. Невольно проведено совещание молодых прозаиков, на котором впервые были вызваны в Минск молодые писатели из районов. Совещание обсудило доклад критики Б. Бронштейна о творческих запросах молодой прозы и беллетристики. К. Кузьмы Чорного о работе с начинающими писателями.

Оживленно прошло и созванное вслед за тем совещание рабочих авторов и ударников, призванных в литературу в годы 1931-32. В беседе с нашим корреспондентом крупнейшие писатели Белоруссии охарактеризовали последний пленум Белорусского оргкомитета как переломный: на нем впервые обсуждались конкретные произведения, шла оживленная дискуссия по творческим вопросам белорусской литературы, по настоящему развинулась творческая самкритика. В центре этих творческих споров стояли «Медведица» — роман Н. Кривякины, повесть П. Боровица «Так погналась жолды», повесть М. Лынькова «На червонных ялах», повесть И. Гурского «Мать».

Основной дискуссии явились последние статьи А. М. Горького, нашедшие широкий отклик среди литераторов БССР. Проблема литературного языка, например, для белорусских писателей усложняется и приобретает особенно важное политическое значение в связи с необходимостью борьбы против полонизма и архаизмов в литературной речи, еще недавно усиленно культивировавшихся, как известно, белорусскими национал-демократами и их влдохновителями — зарубежными интервенционистами.

Остро поставлена перед белорусскими писателями и проблема стиля, в частности задача борьбы против национал-романтических традиций в белорусской литературе, и проблема сюжетности, задача преодоления «литрического беспорядка в прозе» и «бесконфликтных повестей».

В критическом обсуждении произведения приняла активное участие на пленуме не только критика, но и поэты и беллетристы. В частности большой интерес представляли собой выступления народного писателя Белоруссии Я. Коласа и известного еврейского поэта И. Харина, подробно анализировавших поэтическое творчество Петруса Бровка.

В связи с предстоящим съездом писателей оживленно дебатруется и ряд производственных вопросов: оформление книги, качество редактуры, методы распространения художественной литературы.

На специальном производственном совещании, созванном на днях минским горкомом писателей, писатели и работники издательства, художники, представители типографий и работников распространения оживленно обсуждали вопросы повышения качества книжной продукции Белгосиздата.

Из докладов и многочисленных выступлений в прениях можно выделить ряд весьма неутешительных выводов о качестве работы Белгосиздата и белорусского отделения Союзпечати.

Белорусские, еврейские, польские художественные книги, выпускаемые Белгосиздатом, отнюдь не являются художественными — в прямом смысле слова — изданиями: они оформляются бедно, плохо.

Плохо обстоит дело и с распространением книг. Белгосиздат, видимо, на должно понизить чувства скромности, считает почему-то нужным рекламировать свою продукцию. Все разное, дескать, библиотекари все разберут...

В результате читатель своевременно узнает о вновь вышедшей книге только в том случае, если он знаком с автором или сам работает в Белгосиздате. Никаких объявлений, ни одной строчки книжных аннотаций вы не встретите на страницах белорусской, русской, еврейской, польской печати БССР и ЛДБелоруссии, этой общей, с позволения сказать, «традиционной» селю следует и белорусская литературная газета «Літаратура і мастацтва», чей первейшей обязанностью, казалось бы, должна являться пропаганда книги, завоевание новых читателей масс.

Характерно, что — по вине ли Белгосиздата или местного отделения Союзпечати — даже в общесоюзном каталоге периодических изданий, выходящем к началу подлинного года, оказалось пропущенной вся национальная литература периода, выходящая на территории БССР. После этого Белгосиздат и Союзпечать этого жаловаться на то, что журналы «не расходятся».

Нельзя не бросить серьезного упрека в невнимании к художественной литературе и центральным газетам Белоруссии — в первую очередь белорусской «Звезде» и русскому «Рабочему». Печатай изредка больше — и очень нужные, конечно, — литературно-политические статьи, эти газеты совершенно не ищут о вновь вышедших книгах, не дают критической оценки конкретным художественным произведениям белорусских, еврейских, польских писателей советской Белоруссии.

А ведь эту ошибку — игнорирование вопросов литературы вслед за центральными органами БССР — неизбежно механически повторяют и тысячи многотиражек на предприятиях советской Белоруссии? К сожалению, они являются не по «Правде», как известно, систематически уделяющей значительное внимание вопросам литературы и искусства, а по «Звезде» и «Рабочему».

В последние дни редакция «Звезды» в лице вновь назначенного редактора г. Пенцера сама обратила внимание на эту свою ошибку. На специальном совещании с писателями редакция «Звезды» призвала литераторов активнее выступать на ее страницах, со своей стороны дав обещание внимательно следить за явлениями художественной литературы и искусства.

Остается только пожелать, чтобы дело не ограничилось обещаниями и чтобы русская газета «Рабочий», еврейская «Октябрь» и польская «Орка» вслед за «Звездой» последили активнее за явлениями искусства и литературы.

Д. КАЛЬМ.

Проф. Н. К. КОЛЬЦОВ — заслуженный деятель науки, директор Института экспериментальной биологии

МНЕ НЕ НРАВИТСЯ СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Я думаю, вам было бы целесообразно обратиться либо к профессиональному критику, либо к представителю молодежи, любящей нынешнюю литературу. Но если уж вы выбрали меня, то разрешите сказать следующее. Я горячо интересуюсь литературой, и она много дает мне, но литературное развитие мое остановилось где-то на грани XIX и XX вв. Выходящие книги оставляют меня холодным.

Литература, прежде всего — слово, речь. Пушкин был новатором, и современники обвиняли его в том, что он пишет просто. Но это же — идеал! Когда я называл научно-популярный журнал «Природа» и хотел наиболее точно сформулировать требования к авторам, кто-то подсказал мне: писать, как Пушкин. Вот именно, как Пушкин, надо писать. Что же сказать о современных писателях?

Я приготовил книги к вашему приходу, возьмем любую... На ловца и зверь бежит — «Бруски!» Как хотите, а я просто не понимаю эту книгу. Что такое гамма? Что такое омега? Я думаю, омега — собственное имя, а через три страницы выяснилось, что омега — попросту человек в очках. Зачем это нужно?

Разрешите и обойду ваш вопрос, скажу свое. Интересно мое мнение об этих книгах? Не думаю... Ну, то, что я скажу, будет еще интереснее. У нас на Ткацкой — между прочим мы первые на Трехгорке применили эту форму работы — проработали «Поднятую целину». Признаюсь прямо: когда начинали — уверенность в успехе не было. Состав работников у нас, как вы знаете, своеобразный, а хотелось, чтобы участвовали не единицы, не десятки, не только актеры, но все.

У нас в смене 500 человек. И всех их следовало обеспечить книгами. Достали мы всего 40 книг. Мы достали их с превеликим трудом, и вы не представляете даже, на что мы только ни шли, чтобы урвать лишнюю экземпляры. Книжки раздавались книгоношам, которые выделены у нас на каждом этаже. Для того, чтобы заинтересовать остальных работников, и ежедневно читала роман вслух в буфете перед сменой.

Меня поражает неясность советской литературы, это стремление освоить все гигантское разнообразие явлений нашей действительности. Но качество освоения — вопрос иной. Я хотел бы сказать о пьесе Погодина «После бала», которую видел недавно. Я останавливался на ней потому, что она задержала мое внимание своими достоинствами в первую очередь. Но говорить буду о недостатках.

В пьесе любовно выписана девушка-колхозница, — простите, не помню имени, — которую превослоло, но чуть огульно, — зачем? — играет Бабаюнов. Но противопоставленный героине образ молодой женщины-агронома — не типичный, надуменный в своей основе образ.

Эта молодая женщина-агроном убивает себя. Она не находит места в жизни. Почему? Никак не мотивировано. Будем снисходительны к автору и попытаемся найти мотивировку сами. Потому что она происходит из враждебной среды? Потому, что отец ее оказался антисоветским человеком? Но ведь она с пяти лет жила в колхозе. В пьесе есть и другие недостатки, которые бы неужелюбно толкали ее на гибельный путь. Нет, это надумано и социально неоправдано. Здесь явно недооценена переосмысливающая сила нашей школы и всей обстановки наших дней. Это вредно, наконец, потому что многие и многие спешат к старшему поколению (притом, пришедшие к нам из чужого лагеря, нуждающиеся в нем к себе отношении, — они честно и самоотверженно служат новой своей родине.

Вне связи с Погодиным хотелось бы сказать, что мы гибельно переживаем людей. По-человечески это понятно. Нетерпеливое ожидание полного достойного великой эпохи произведения свойственно всем нам в одинаковой мере. Но, право

Нас, ученых, обвиняют в том, что пишем мы непонятно. Уверяю вас, когда я пишу для широкой аудитории, я пишу понятно и просто. Но ведь писатели пишут для аудитории, неравномерно, более широко. Зачем нагружать они язык бесконечными техническими терминами? Читая, мне приходится то и дело обращаться к помощи словаря, причем часто, кстати, обнаруживается, что в употреблении термины неправильно.

Теперь о содержании. Когда появился на свет Бабаюнов, то критики различно объясняли его: по нитке не усомнился в его реальном общественном бытии. Вот такого рода образ не вижу я в современной литературе. Передо мной проходит лица, но не типы. Современная литература не дает мне углубленного знания действительности, не показывает новых

сторон ее. Новое сообщает разве только фельетоны Михаила Кольцова, которые читаю я с превеликим удовольствием. Кольцов работает методом художественной литературы, но пренебрегает к этому острый взгляд журналиста, газетчика. Газета настолько обширнее и глубже, чем художественная литература, информирует она меня. Порой являюсь мыслью, что писатели, как и я, черпают материал не в наблюдении жизни действительности, а в газетках. К газеткам, а не романам обращается будущий историк нашей эпохи.

За всем тем я люблю многих из современных писателей. Начну с Горького. Его «Детство» и «В людях» наряду с другими классическими произведениями способны и пережить будущее. Конечно, количество и пережитое было бы бесконечное количество, но пережитое было бы бесконечное количество. Конечно, пережитое было бы бесконечное количество.

В прения записалось столько народу, что пришлось за поздним временем прервать выступление, не исчерпав списка. Выступал далеко и

Оценки книги на конференции? Высокая. Простота и ясность языка, мягкий юмор, живость образов. — да, нам очень понравилась книга Шолохова.

После конференции спрос на «Поднятую целину» не уменьшился, но увеличился, и мы попросту не можем удовлетворить его. Мы поставили себе целью не дать разбегаться создавшемуся литературному активу. Но посылите сами. Руководители, которые присылает шефствующее над нами МТИ, меняются буквально каждое занятие: на первое явится, а на второе придет залпик с извлечением об откате.

И все-таки мы работаем. Выяснив с романом Панферова «Твердый поступок». Очень трудно дается нам эта книга. Она интересна, но какой тяжелой, напряженный язык, какое множество действующих лиц за которыми так трудно уследить.

И вот тут я хотела сказать, что если мы, находясь в привилегированных условиях, пытаемся в такие трудности, то как же на других предприятиях? Между тем интерес к современной литературе у рабочих и работников огромны. Но отсутствие книг и средств, невниманье профсоюзных организаций, пренебрежение литературных организаций, — все это может оттолкнуть даже энтузиаста от дела популяризации современной литературы. Будем надеяться, что вы правы и подтолкните к съезду писателей советское правительство. О себе лично, не скажу? Да, я люблю читать и посылать читателям книгу свободную минуту. К сожалению, их немного у меня, свободных минут. Мои любимые писатели — Горький, Шолохов и Неворов.

М. И. ВИНОГРАДОВА — ткачиха Трехгорной мануфактуры

ТРЕХГОРЦЫ ЧИТАЮТ ШОЛОХОВА

Разрешите и обойду ваш вопрос, скажу свое. Интересно мое мнение об этих книгах? Не думаю... Ну, то, что я скажу, будет еще интереснее. У нас на Ткацкой — между прочим мы первые на Трехгорке применили эту форму работы — проработали «Поднятую целину». Признаюсь прямо: когда начинали — уверенность в успехе не было. Состав работников у нас, как вы знаете, своеобразный, а хотелось, чтобы участвовали не единицы, не десятки, не только актеры, но все.

У нас в смене 500 человек. И всех их следовало обеспечить книгами. Достали мы всего 40 книг. Мы достали их с превеликим трудом, и вы не представляете даже, на что мы только ни шли, чтобы урвать лишнюю экземпляры. Книжки раздавались книгоношам, которые выделены у нас на каждом этаже. Для того, чтобы заинтересовать остальных работников, и ежедневно читала роман вслух в буфете перед сменой.

Тут впервые стало понятно, что сомнений наши не основательны. Книга открывала я книгу, как лютное кольцо людей снимало меня. Если я опаздывала, они уже ждали меня и требовали: скорей! «Поднятую целину», сами понимают, в два-три приема не прочтешь вслух. И день за днем собирались мои слушатели, за час до работы, не пропускали, не опаздывали.

Меня поражает неясность советской литературы, это стремление освоить все гигантское разнообразие явлений нашей действительности. Но качество освоения — вопрос иной. Я хотел бы сказать о пьесе Погодина «После бала», которую видел недавно. Я останавливался на ней потому, что она задержала мое внимание своими достоинствами в первую очередь. Но говорить буду о недостатках.

В пьесе любовно выписана девушка-колхозница, — простите, не помню имени, — которую превослоло, но чуть огульно, — зачем? — играет Бабаюнов. Но противопоставленный героине образ молодой женщины-агронома — не типичный, надуменный в своей основе образ.

Эта молодая женщина-агроном убивает себя. Она не находит места в жизни. Почему? Никак не мотивировано. Будем снисходительны к автору и попытаемся найти мотивировку сами. Потому что она происходит из враждебной среды? Потому, что отец ее оказался антисоветским человеком? Но ведь она с пяти лет жила в колхозе. В пьесе есть и другие недостатки, которые бы неужелюбно толкали ее на гибельный путь. Нет, это надумано и социально неоправдано. Здесь явно недооценена переосмысливающая сила нашей школы и всей обстановки наших дней. Это вредно, наконец, потому что многие и многие спешат к старшему поколению (притом, пришедшие к нам из чужого лагеря, нуждающиеся в нем к себе отношении, — они честно и самоотверженно служат новой своей родине.

ДРУЖЕСКИЙ СОВЕТ

Рис. К. Елисеева

Нет, братец, писать красками — вещь трудная, — это нужно уметь. По-моему тебе надо заняться литературным портретом.

ПРИЕМ В ССП В КАЗАНИ

(По телеграфу). Президиум Татарского комитета 1 июня разослал 50 приглашений о приеме в союз советских писателей. При разборе заявлений особое внимание обращалось на качество произведений, на то, имеют ли творческая работа самостоятельное художественное и научное значение

(для критиков). Из 50 человек рекомендованы в союз 24: тт. Галимджан, Ибрагимов, Шариф Камал, Фатых Сайфи, Кави Наджми, Тимурчири и критики Нигматул. Гумер Елисеев и др. 26 товарищам отозвано в приеме как не отвечающим требованиям устава. ТУХАТУЛЛИН

ПОБЕДОНОСНОЙ АРМИИ СОЦИАЛИЗМА—ДОСТОИННУЮ ЛИТЕРАТУРУ НА ВСЕСОЮЗНОМ СОВЕЩАНИИ ОБОРОННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

Тифлиссские РАССВЕТЫ

Георгий ЛЕОНИДЗЕ

Первый вечер всесоюзного совещания по оборонной литературе был посвящен двум докладам, объединенным темой «Удовлетворенная литература в Дальнем Востоке». Об этом пишет советский зарубежный Дальнего Востока в советской литературе говорил т. П. Павлико, о «Дальнем Востоке» в мировой (в частности в японской) литературе — т. А. Лейтес.

Литература о советском Дальнем Востоке, — говорит т. Павлико, — богатством и разнообразием, какого заслуживает тема, не отличается ни в количественном, ни в качественном отношении. Больше 5-6 книг, пожалуй, и не насчитается «Разгром» и «Последний из Удехе» Фадеева, «Корень жизни» Пришвина, «Великий или Тихий» Лилина, «Адмирал Макаров» Ал. Дмитриева, «Концессии» Даленского да две книги очерков — «На Сахалине» Словцова и «Вода и ветер» М. Шкалского — вот и весь дальневосточный материал советской литературы.

«Разгром» Фадеева до сих пор на этом участке остается непревзойденным. В этой повести есть темперамент, эмоциональность, большевикское отношение к действительности для всех же остальных названных выше книг, за исключением разве книги Шкалского, характерна одна общая черта: бесстрастность, повествовательность в судьбе своих героев, холодный «объективизм». «Корень жизни» Пришвина, например, сплошной пейзаж — холодный, равнодушный, существующий как будто вне времени и пространства. Чрезмерным спокойствием и описательностью отличается «Великий или Тихий», — вот почему при всех своих формальных достоинствах это — произведение, к которому, по мнению Павлико, читатель вряд ли в состоянии будет вернуться вторично.

Неудачей по многим отношениям является «Концессии» Даленского. Неудача эта — результат чрезмерной жалости автора: он много знает, много видел и возмездие желает все это втиснуть в одну книгу. Мастерства же у Даленского еще нет. Вот почему получился рыхлый роман, в котором тонут отдельные прекрасные куски.

Основной порок «Адмирала Макарова» в том, что в нем линия героя развивается сама по себе, а линия Дальнего Востока, являясь в публицистическом разрезе, сама по себе. При этом автор обладает непереносимой сентиментальностью, — в том, что так, например, серьезная тема, как тема японской оккупации, разрешена в несколько опороченном плане.

Таким же срывом является книга Словцова «На Сахалине». Это своего рода реферат фактов, чудовищный, в котором все разобрано, но связано. Стихотворное включение составляет книга М. Шкалского «Вода и ветер», вышедшая еще в 1931 г. и оставшаяся потому-то незамеченной нашей критикой. В очерках Шкалского есть живой нерв, хозяйский глаз, понимание обстановки, и это дает право внести книгу в актив оборонной литературы.

Несколько иначе обстоит дело с советской литературой, посвященной теме зарубежного Дальнего Востока. Здесь нет произведений, равноценных «Разгрому». Но все же несомненно выдвигаются в первую очередь Павлико отмечает «Китайские повести» Эрлера, книгу сентиментальной задушевности и посылки. Недостатки выдвигаются в первую очередь Павлико, — и «Подвиг» Б. Лилина. Это острый и мужской памфлет на японский империализм. Он показывает нам врага с его слабой стороны, неправ был поэтому Вишневский, выступивший в свое время с утверждением, что книга типа «Подвиг» демобилизует. Главный недостаток «Подвига» в творческом приеме автора. Тон Лилина пользуется этим приемом во всех случаях жизни, о чем бы, на какую бы тему он ни писал: «Дальневосточные рассказы», написанные им совместно с Храповицким, построенные на том же приеме — чередованием стихов и прозы. Есть опасность, что это может надоесть читателю. Не учитывать этой опасности нельзя.

«Трона самураев» Л. Рубинштейна, несомненно, талантливая книга. В ней очень удачно показан японский солдат (как в «Подвиге» офицер). Но автор еще не говорит своим языком: то и дело из странной азбуки вылетают слова «фадеева», «Арсеньева» (по Уссурийскому краю), «Япония». Другой недостаток: автор слишком гонится за внешне «славными» стилями, мало ему знакомыми — это сильно снижает впечатление.

Общий вывод докладчика:

«Мало, слишком мало! Но как далеко мы ушли от «Борни» японского солдата Пидлика. Эта книга не выдерживает сравнения даже с наиболее слабой из тех, о которых была выше речь. Однако достаточно ясно, что это сильно снижает впечатление.

Общий вывод докладчика:

На всесоюзном оборонном совещании.

было бы на этом успокоиться. Необходимо взять бо́льший размах. Необходимо по-настоящему использовать творческие возможности, которые дает нынешний Дальний Восток, в частности тематику, которой неизмеримо богата жизнь и быт советского Китая, остающегося для нас и до сих пор каким-то таинственным миром. Возле нет необходимости ждать, пока ты сумеешь изучить все мельчайшие детали этого быта. Мы вооружены марксистско-ленинским пониманием процессов, происходящих в нем, нас соединяет с революционным пролетариатом Китая общность чувств и стремлений, — почему же не пытаться шире отразить в художественных образах его судьбу, его людей, его поэзию.

Доклад т. Лейтеса был посвящен разоблачению буржуазного мифа о Японии, как о стране «святого очарования», идеалистических социальных отношений, неизмеряющих добродетелей. С одной стороны, в лирических этюдах красуются идеализированные классовые империалистические интересы тех стран, правящие верхушки которых объединены ненавистью к СССР, и налезают на Японию как на единственную отдаленную перспективу спасения; с другой стороны, мы имеем дело с художниками, которые вследствие ограниченности собственного зрения охотно рассматривают японскую действительность сквозь очки, изготовленные японской буржуазией. Это особенно ярко можно проследить по образу японской женщины в буржуазной литературе. Даже такой большой художник, как Бальдерман, не ушел от участи многих его собратьев по перу и воспева «счастливой лодки» как символ японской патриархальности, а японскую проститутку — как воплощение «вечно женственного» паза.

Особенного внимания, конечно, заслуживает японская военная литература последнего периода. В этой области, как и во всех других, связанная с подготовкой к новой войне, японская шовинистическая клика обнаруживает лжерадостную активность. Достаточно отметить, что со времени оккупации Манчжурии на эту тему создано свыше 50 тысяч, что в 2000 фильмов, цель которых в том, чтобы раздувать все самурайские истинности и создать атмосферу готовности к новым авантюрам. Тов. Лейтес дает обстоятельный анализ ряда

японских романов, посвященных теме будущего столкновения с Советским Союзом и Союзинскими штатами. Как правильно, это — бред, позывы «окультуривать» масс баснями о красных командирах, развращающих в общности, — женщины из индустриальных, о кровожадных красноречивых, о легкости предстоящей японской прогулки на Урал и т. д. и т. д.

— Это тот уровень мысли и искусства, — говорит т. Лейтес, — который позволяет с уверенностью сказать, что японская буржуазная литература не создает своих Стендалов, так как она не может, не смеет говорить правду, так как она вынуждена вполне сознательно вводить массы в заблуждение, грубо, по-солдатски упрощать, фальсифицировать суровую действительность.

Но бо́льшим заблуждением было бы принимать японскую литературу как однородное целое, не видеть в ней зачатков большой революционной пролетарской литературы. Эти зачатки имеются в этом смысле заслуживают особого внимания писателя Курасима Дензи, прекрасно исполнявший записки революционных настроенных японских солдат, вернувшихся на Манчжурию. Нужно проанализировать достижения японской пролетарской литературы, — это даст возможность правильно ориентироваться в настроениях японского тыла, изучить психологию японских масс.

Должны глубже овладеть «японской темой» и советские писатели. Они обязаны разрушить до основания традицию японской экзотики в литературе. Наибольших успехов в этом направлении достигли — заявляет т. Лейтес, — два советских писателя: Гаузер и Лилин. Но нужно энергично осваивать и дальше японскую тематику, глубже вникать в материал, всесторонне его осмысливать. В частности должен учесть это Буржис-Пробой. Часть японской буржуазной прессы чрезвычайно радужно приняла первую часть «Цусимы», расценивая ее как книгу о мощи японского флота. Они обнаруживают слепоту, непонимание того факта, что флот переживает: именно этой Японии напоминает во многом старую японскую Россию, привнесший ее к русскому разложению. Продолжение «Цусимы» должно разочаровать самурайских кланов; Новиков-Прибой должен правдиво показать в ней японского офицера того периода, чтобы нам облегчена была возможность увидеть себе облик нынешней офицерской касты Японии.

Совещанию послано приветствие наркомвоенмором т. К. Е. Ворошилову.

2 июня начались чтения по докладу т. П. Павлико и А. Лейтеса. В чтениях выступили тт. А. Суриков, Л. Соболев, Р. Ким, А. Фадеев, Е. Петров, Л. Субоцкий, Я. Фрид и другие.

Выступление т. А. Сурикова было посвящено целиком вопросу о «красноармейской песне». Остроумно раскритикована музыкальная продукция,

оратор приходит к выводу, что мы не имеем еще добротной военной песни, являющейся одним из отличительных признаков марша. Наибольшей удачей в этом направлении являются опыты Н. Асеева, давшего две песни, в которых он идет от понимания основных законов строения народной песни.

Тов. Леонид Соболев высказывает опасение — как бы чрезмерный акцент на вопросе о японской тематике не дал отрицательных результатов, не привел бы к тому, что писатели набросились на эту тему как на моту. Намеки на подобное стремление отдавать дань последней моде т. Соболев усматривает в «Подвиге» Лилина и «Троне самураев» Рубинштейна, хотя этим произведениям нельзя отказывать в известном формальном мастерстве. Правда, и это мастерство т. Соболев принимает с некоторой оговоркой: оно представляется ему своего рода ловким приемом, целью которого замаскировать отсутствие глубокой мысли, знание материала, положенного в основу названных книг. «В бо́льшей мере это относится к «Троне самураев» — вот почему т. Соболев считает преждевременным стремление, обнаруживаемое, главным образом, в Москве — поднять повесть Рубинштейна на щит. Это не образец, на который следует равняться при создании художественных произведений на японскую тему.

Значительного внимания заслуживает в этом смысле книга В. Кнехта «Страна на замке». Написанная не на японскую, а на финляндскую тему, она является образцом серьезного отношения к теме, действительного знания и осмысления материала. Однако в Москве этой книге не заметили.

В заключение т. Соболев выдвигает один принцип, спорность которого он охотно сознает, что, однако, не мешает ему на нем настаивать.

Не обязательно писать оборонные произведения только на «бо́льшие темы», нам нужна и просто занимательная беллетристика типа Карашина и Вас. Немировича-Данченко. Книжки такого рода, читаясь с увлечением, могут оказать немалую услугу в смысле определенного идеологического воздействия.

Интересную речь произнес т. Р. Ким. Он дал четкую характеристику ряда произведений японских военных писателей. Японскую военную литературу т. Ким подразделяет на шесть видов: авантюризм-приключенческий, самурайский, литературу будущих войн, героико-биографическую (воспевание доблестей великих маршалов), империалистическую и, наконец, переводную, исполняемую также на японский лад.

Что касается литературы антивоенной, то в японских буржуазных писателях она не в чести. Антивоенная тема вошла в литературу лишь с момента возникновения пролетарской крыла на этом фронте. Особенно сильно прозвучали антивоенные мотивы в пролетарской литературе Японии в 1926—27 гг. Уже тогда писатели сигнализировали об опасности, которой угрожает делу мира японский империализм. В 1928 г. был издан сборник японских пролетарских писателей «Война и мир». К сожалению, этот сборник на русский язык не переведен. Вообще, — указывает т. Ким, — советские издательства мало интересуются революционной литературой Японии. Они предпочитают издавать японскую поэзию XI—XII вв., исследования о «спасах» (тип древнего японского стихотворения), а не современную литературу — всякого рода эротические и ультрапсихологические романы, но почти ничего из произведений пролетарских писателей.

Тов. Ким возражает против дозвучивания т. Соболева о советских Карашинах. Следует помнить, что советская оборонная литература усложненно переводится на иностранные языки и в первую очередь на японский. Нужно поэтому писать полностью художественные песни, имеющие большое познавательное значение.

— Писните так, — заканчивает свое выступление т. Ким, — чтобы наши друзья в Японии не должны были копаться, а «самураев» не хихикали в кулак.

Возвращается к речи т. Соболева и т. А. Фадеев.

— У нас и так достаточно много плохих писателей, зачем же еще прибавлять хороших писателей писать плохо. Нужное это дело, неправильная постановка вопроса!

Верно истинно, однако, в предостережении Соболева имеется: оно заключается в том, что нам необходимо чрезвычайно быстрыми темпами создавать литературу, которая отвечала бы законному желанию широких масс получить более четкое, более определенное, так сказать, наглядное представление о Дальнем Востоке. Ведь это край, у которого совершенно грандиозная будущность, край, являющийся великим форпостом социализма у Тихого океана, — между тем даже у квалифицированного читателя существуют совершенно курьезные представления о нем. Нужна поэтому исключительная мобилизация в выпуске соответствующей литературной продукции, вот почему нужно уметь переключаться и на какие-то другие жанры.

Тов. Е. Петров выражает недоумение по поводу нападок на «Дальневосточные рассказы» Лилина и Храповицкого. Эти рассказы написаны мастерски, что особенно ценно для нашей литературы, где совершенно не культивируется стиль маленького рассказа.

Как одну из ближайших задач, стоящих перед оборонными писателями, т. Петров ставит создание специальной серии книжек по истории сражений. Красноармеец имеет представление об одном только сражении — лужинском, благодаря талантливой и правдивой книге Новикова-Прибова. О других же исторических битвах, имевших переломающее значение в истории той или иной страны, он имеет очень туманное представление.

С докладом на тему «Красная армия в советской художественной литературе» выступил т. Л. Субоцкий, заслуживший внимание на мысли о необходимости покончить с военно-корреспондентским стилем в художественных произведениях о Красной армии.

Нужно учесть ошибки ЛОКАФ на первых этапах его деятельности, ошибки, выражавшиеся в разовых выездах как раз тех книг (Фадеев, Карпов и др.), в которых в основном преобладали этот военно-корреспондентский стиль. Да и сейчас мы имеем чрезвычайно ограниченное количество полностью художественных произведений о Красной армии.

В чем причина этого? Конечно, в том, что писатель наш в большинстве случаев не знаком с тем процессом, которые характеризуют современную Красную армию.

Между тем Красная армия — это не какой-то изолированный, замкнутый организм, он глубоко органично связан со всем нашим социалистическим строительством, в нем имеются свои конфликты, но принципиально качественно, отличные от тех, какие мы привыкли наблюдать в других областях жизни, — поэтому дать насыщенные страстью и движением произведения на этом материале, конечно, труднее, но значит ли это, что советский художник должен убогаться от трудности, или по ленинскому совету сопротивляться?

Тов. Субоцкий считает, что генеральной темой литературы о Красной армии должна явиться тема о ее людях, ее подготовке к будущей войне. Вполне современным является лозунг: за поворот лицом к Дальнему Востоку, к ОНДВА. Мы должны воспеть героико-людей, для которых не существует опасности, когда дело касается защиты завоеванных социализма, мы должны воспитывать в массах чувство советского патриотизма, советской родины.

3 июня в прениях выступали тт. Эс-Хабиб-Вафа, А. Исбах, Л. Никулли, С. Левман, В. Кнехт, С. Гитович, Г. Фиш, В. Катания, В. Гусев, Н. Мамин, И. Дубинский, Н. Свириг, Р. Азарх, Бровин.

Совещание закрылось после заключительного слова М. Субоцкого. Отчет будет дан в следующем номере.

За тифлиссской цитаделью —
Пепельное небо.
Утро, фрукты, свежесть хлеба,
Свежее похмелье.
Ночь отснана, и чихнут
Мглы рассветной пелны.
Солнцу радостно распахнут
Город шестивратный.
На ночь, в ком опозарен —
Пламя Саатнавы!
Жизни с нами не до жданок,
И она — лукава.
По Куре потоки света
Бьют в рачное лоно
И в резную Кашуату!
С крыльями грифона.
Юность говорит: исчезну,
Как следы угара.
Протекут меж пальцев в бездну
Воды Ниагары.
Но в садах дойдет черешня,
И Вериским склоном
Женщина из бань поспешио
Проплывет пленом.
Разве сказка будет сказкой,
Потерявши голос?
Как хурджики живёт растрёпаной,
Саатнава — поэт из тифлиссских
романистов, живший во второй
половине XVIII в. Саатнава был
закавказским поэтом в бугальном
смысле слова: он писал по-грузински,
по-турецки и по-армянски.
Кашуаты — старинная дерюжка в
Тифлисе.
Хурджики — дорожная сумка из
ковровой ткани.
Так и сердца полость.
Вон Этим-Гурджи! герланит
Меш татар в духана.
Кистью из станама тмет
Краску Пирсомани!
Будте время надо выбрать
Крышам на расовате.
Тут и Вавилон и Нимрод,
Тут и все столетия.
Выбор сам кивает с дома
Оплагом Совнаркина.
Городскому утру мало
Смыста сонной птички.
Липовой работой стало
Пенье по привычке.
Слов и мыслей неприкрытых
Лесу труб фабричных!
Не сплавляйте дня, как пражда,
По течению речи.
Встретьте в лоб и перережьте,
Старине переч.
Слово не в любовных играх.
Но и в силе тигра.
Выход ли в исконной хмури
Плача чанури?
На пароме ль, в свежем сене
На арбе спасенье?
Ну, так как же нам, поэтам,
Быть с таким рассветом?
ПЕРЕВОД БОРИСА ПАСТЕРНАКА.
Этим-Гурджи — современный
родной певец в Тифлисе.
Пирсомани — грузинский художник, примитивист.
Чанури — музыкальный инструмент.

А. М. ГОРНИЙ И А. Н. ТОЛСТОЙ. Горки. Зима 1934 г.

Е. ВЕЙСМАН

МЕДНЫЙ ВСАДНИК И ПЕТР ПЕРВЫЙ

...«Петр Великий сделал много для возвышения класса помещиков и развития нарождавшегося купеческого класса. Петр сделал очень много для создания и укрепления национального государства помещиков и торговцев...»
(М. Сталин, Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом 13 декабря 1931 г.).

Мимо памятника Медному Всаднику длинной чередой проходили люди XVIII, XIX и XX веков.

Они благоговейно слагали панегирики Петру — от Крещина, смотрителя работ в Кронштадте, современника Петра, до академика С. Платонова. Петербургские туманы и ледяной сивалас, образовали занесу — за ней уже призрачной и грозной тенью сказка Медный Всадник.

«Отче наш, Петр Великий. Ты нас от небытия в бытие привел!» — умилился Крещин в своей «Речи Петру». И эти слова повторялись потом всюду — у Карамзина, Пушкина, карамзиниста и убежденного государственника, в театрах Б. Чичерина и С. Соловьева.

Русская буржуазная историография XIX в. для укрепления теории нацказности русского самодержавия (оборочества и закрепощения) создала миф о Медном Всаднике. В нем Петр являлся великим преобразователем, соединившим «усулия всех сословий» для торжества национальной идеи, для замены азиатской жизни иной, перенесенной из Европы.

Теория европеизации русской жизни как историко-культурного фактора, весьма абстрактная история «развития национального самосознания России», начертанная по гегелевской схеме, должны были стереть классовые черты одной из величайших исторических драм, разыгравшейся на рубеже XVIII и XVIII вв.

Эта драма была вызвана, по выражению М. Покровского, «набегом торгаша на капитализм». Русские купцы и чиновники Петра Романова как своего военного администратора. Буржуазно-историческая наука в течение века

на одной из самых ярких страниц истории классовой борьбы в России пыталась написать «историю культурной реформации». Это делалось для доказательства того, что «в России нет и не может быть классовой борьбы».

А. Толстой, задумав работу о Петре, начал ее рассказом «День Петра». Толстой хотел еще тогда противопоставить традиционному взгляду на Петра I. Но он пошел по пути «биографического натурализма», не перестав основ, на которых держалась теория «государственничков».

В его рассказе Петр I изображен ожившим «сверхчеловеком», но с грязными, отрицательными бытовыми привычками. Так легко и соблазнительно было искажать черты внешней характеристики, сдвинуть с места официальный и канонизированный образ Петра Великого в годах, с лентой через плечо, с богиней Славы, трубящей над его головой. Это и было сделано, однако с сохранением буржуазной оценки реформы Петра («сполохал в развинутым границами русские люди делал одно, государственное дело...» «День Петра»).

Но все же за Петра тотчас вступил акад. С. Платонов, которому и в малом было перенесено некажние образы Петра Романова.

ин привилегий групп, и все были уравнианы в одинаковом бесправии перед государством» так писал акад. Платонов.

Начиная роман о Петре I, совершенно неизбежно было изобразить Петра как маньяка, состоявшего в особях, близких и по-старых отношениях с Александром Меншиковым. Это имело место, это более или менее точно отмечено историками, и, очевидно, не эти штрихи в биографии Петра I создавали «философию» его эпохи. А Толстой этого и не сделал. Но он, выслушав панегирик Платонова Петру, поспешил встать за перо. Первую книгу своего романа о Петре он писал, не разглагольствуя о Медном Всаднике, все окутанный туманом русской буржуазной историографии.

«Кудук победил Москву» — эти слова можно было поставить эпиграфом первой книги романа. Несмотря на все усилия А. Толстого, правильно отразить роль торгового капитала, несмотря на художественную выразительность всей первой книги романа и ее значительность — в ней Петр являлся орудием, пистолетом и сумасбродным, но все же орудием в руках иностранцев. Европа боролась с Азией. Связь Петра с торговым капиталом была начерчена неясно. А Толстой в первой книге придал буржуазной легенде о примитивизме экономики допетровского государства XVII в.

К историческим источникам и по-добному пошлели ключи Чичерина и Соловьева. Замок ларчика открылся с приятным звоном, но на лно его оказалась все-таки слепок с Медного Всадника.

Независимо закончена вторая книга романа о Петре. События отражены первым томом на протяжении семнадцати лет (1682—1699).

Вторая книга охватывает всего три года, — действие начинается на великом звонком мунета, когда, слушая музыку, азиурский умирот «французский дебоан» Лефор (1699), и заканчивается под гулкие удары дубовой кувалды по первой снае, которую вбивал Фельд-Умюис-Грязью в толпке берега Невы (1702 г.).

Но во второй книге истории Петра и его эпохи придано иное толкование, нежели в первом томе.

Этот роман как старинная дворная в темной комнате сидят зрители, и перед ними через маленький освещенный экран являтся бесконечная лента, прокатит разнообразное события.

Все видно ясно, но как бы вдали; режиссер красками выписаны люди, и краски все положены в основных цветах спектра.

Вот выплывает тусклое солнце под Нарвой, и Петр, сидя на барабане, рассказывает военные карты. Вот «гарь» пошла — раскольники схитуют себя в северном гудом лесу; девочку Элене Екатерина берет усталый друган, как военную добычу, но она скоро станет императрицей.

Когда перед началом Северной войны собираются купцы Шорин, Бровкин и др., хочется долгие послушать их разговоры, но в дворе уже другие картины, другие люди там действуют, оживленные только на миг.

Этот роман — как бы хроника. Много исторических дат воскренено талантливым писателем, но в ширину пошла события и меньше, вглубь, несмотря на силу отдельных характеристик и верность психологических штрихов.

Однако в этой хронике, сначала медленной, потом сильнее движется ядро сюжета. В ней стерлась прежняя, ставшая традиционной, грань между романом «привольным» и народными спеланиями. В романе решаются не вопросы престолонаследия со злодейской дворцовой интригой; в нем не развешиваются мелкие жаровые спелки во вкусе романистов конца XIX в.

Во второй книге романа судьбы людей — и «спелон» Петра, и купцы, и многих других — отражают «набег торгового капитала», и теперь явственной видны его герои.

Туман, который клубился над Медным Всадником и над Алексеем Толстым, стоявшим ранее у его подножья, рассеивается.

1699—1702 гг. — годы, которые охватывает вторая книга, — прошли в подготовке захвата русским торговым капиталом балтийского побережья. Вся реформа Петра была объективно орудием торгового капитала, и Северная война также была пачата Петром по инии интереса торговцев и помещиков. А Толстой еще в первой книге пытался выдвинуть роль торгового капитала, но там он не был еще в силах преодолеть докопа ин буржуазных исторических теорий, ни «дивинация» Ключевского, или, в поубеллетристической форме пересказываемого лекции своих учителей.

Во второй книге романа Толстой пошел на верный путь. К сожалению, в газетной статье нельзя подробно разоблачить эту работу, в которую вложено так много труда и таланта. Поэтому оценка романа, поевезде, является неполной.

В начале XVIII в. торговля буржуазия задает тон всей жизни в России.

Торговля признается «основанием богатства всех государств». Торговый капитал, выйдя из недр феодального общества, уже встал против него. Завоевания Петра открыли торговому капиталу пути на внешние рынки. «Последняя Русь» трещала, в ней было великое смятение умов.

Раскол как антигосударственное движение и вместе с тем отчасти как националистическая реакция получила широкое распространение. В России были две эпохи, которые помнят различно и мечтали ее повторить. Из-под гнета крепостного хозяйства все больше людей уходило на тихий Дон, за привольным житьем.

Во второй книге романа А. Толстой мастерски отразил эту картину сложных и противоречивых отношений.

В романе несколько сюжетных нитей тучо завязаны в один узел. Биография Петра соединяется с характеристиками других людей, ими подчеркивается, и слова М. Покровского: «набег торгового капитала», как формула, раскрывающая прежде всего в лейтмотив купцов Ивана Бровкина, Шорина, Светинкова, купца Николая Демидова из Тулы, будущего заводчика. Их судьба — это восходящая линия романа.

С нею пересекается, чтобы угадать тонкую и погаснуть, жизнь боярыня-приниговича и феодала князя Романа Борисовича Буйновского. Купец Иван Бровкин становится главой целого торгового дома, входит в различные «скупательства». Он — один из тех, кто решает судьбы России. А князь Буйновского царь Петр скоро сделает шутком.

Дети Ивана Бровкина быстро поднимаются по ступенькам иерархической лестницы. Вот уже Иов Бровкин — штурман корабля, Алексей — подполковник. Артамон — служит в польском приказе.

Это явление к тому времени становилось типическим. Уже в XVII в. например, крупный купец Боков выдал свою дочь за князя Мышецкого из захудалого дворянско-феодального рода.

А Толстой выделал из группы русских купцов старика Василья Ревякина, купца-раскольника. Это сделано с бо́льшой исторической интуицией, основанной на внимательном изучении источников.

Ревякин, стяжатель и ханжа, равно был одержим жаждой обогащения, как и его московские друзья, и другие из купеческого «сословия», но учение старообрядства очень подходило к особому идейному строю некоторых тогдашних капиталистов: воздержание, презрение к марской суете, бережливость — все это инспирировало Ревякину, и он падал в себя маску и стал раскольником. В этом облик его было легче торговать и отгородиться от крепостников Ревякин — новая буржуазно-демократическая ветвь русского торгового капитала.

Толстой верно изобразил этот тип купца и живо показал, как тот скрывает доходы от Бурнистерской палаты, как в своей речи на молитвенном собрании призаичивает, домогается и крепостных подгоняет идеологией раскола под свою торговую практику, как этот старый начетчик прибегает к перу другим купцам, каламбаур: «Мир у бога, и мы убоги».

Характеристика новых, изменившихся отношений делается еще более глубокой, когда А. Толстой рассказывает о проезде купца Денисова через Володарск. Эпизод парадоксален, но воспринимается очень точно перестановку классовых сил в тогдашней России.

Раскольник и купец, Денисов кричит «слово и дело», указывая на Володарского воеводу и монаха (сын воеводы допетровской, отживающей Ру

ЛИТЕРАТУРА ФАБРИКАНТОВ ПУШЕК

О том влиянии, которое фабриканты пушек и их объединения оказывали на прессу, писало немало. Давно известно, что большая часть французских ежедневных газет принадлежит пресловутому «Комитете де фор», всемогущему объединению королей стали и пушек. Менее известно, что роль, которую короли пушек играют в художественной литературе как в отношении отдельных писателей, так и в отношении тех или других писателей.

Что короли пушек не чужды литературе, это доказано еще в 1923 г. всемогущим хозяином Виккер-Армстронга — «станционным европейцем» сэр Базилем Захаровым, устроившим ежегодную «премию Вальбака» размером в 20000 франков. Премия эта была учреждена при посредстве известного французского литературного издателя Бернара Гроссе. Следует полагать, что с тех пор это издательство, одно из самых крупных во Франции, перешло в сферу влияния «станционного европейца».

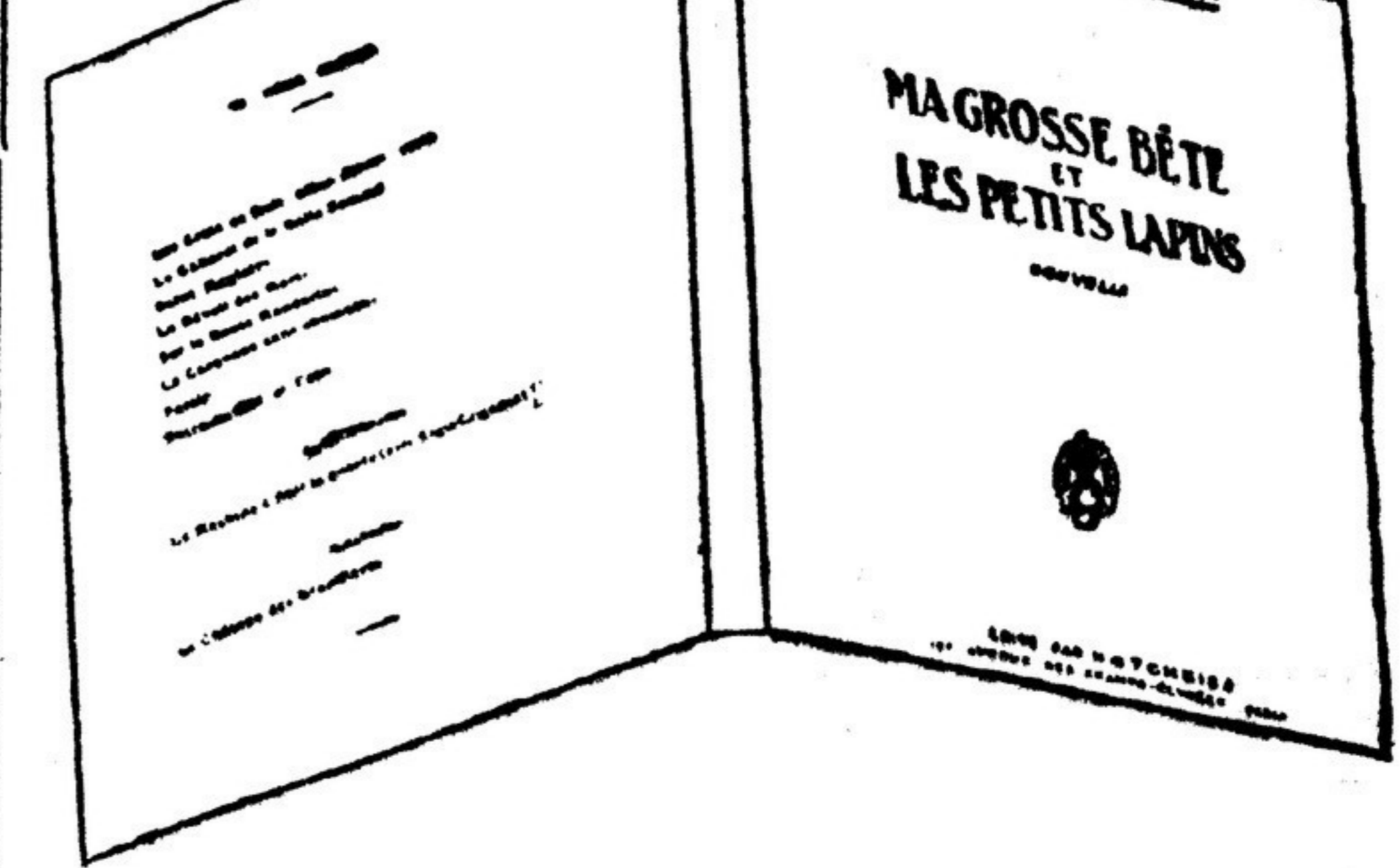
Какая ирония судьбы: сэр Базил, такой блестящий персонаж для балльзакской «Человеческой комедии», учреждает литературную премию имени Вальбака!

Пока этот факт был почти единственным выплывшим наружу фактом взаимоотношений между фабрикантами смерти и художественной литературой. Все, что касалось «королей стали и пушек», окружено неизменной таинственностью и только редко, очень редко становится достоянием общественности.

Вся мыслящая и политическая жизнь Франции в отношении прессы, мы увидим одну и ту же последовательную линию: газеты и журналы, ведущие непрерывно и неумолимо для военной промышленности политику, постепенно прибираются к рукам. Так или иначе, но путем покупки акций издательства или путем персональных подделок человек, пишущий в негодном духе, должен или изменить род своих писаний, или же исчезнуть с поверхности земли.

Естественно предположить, что такую же политику «короли пушек» применяют и в отношении художественной литературы. Но, например, недавно мы натолкнулись на один весьма показательный факт.

Есть такой французский романист и новеллист Ролан Доржелес, член Академии Гонкур, автор десятка довольно известных романов. Наибольшую популярность пользуется роман Доржелеса «Деревянные кресты» об ужасах войны. Правда, пафосом Доржелес был часто обвиняем буржуазным пафосизмом, который был в моде в послевоенные годы, но все же он числится пафосистом.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ книги Ролана Доржелеса «Моя грубая животное и маленькие кролики», изд. Гонки.

Доржелес, наверно, не одинок. Сегодня не в моде «Деревянные кресты», сегодня эпоха королей стали и орудий, сегодня нужно воспевать пулеметы и минометы. Может быть, Доржелес получит в текущем году премию Вальбака. Или «станционный европеец» и его издательство Гроссе премирует писателя конкурентский концерн?

Для буржуазных литераторов открываются новые возможности и новые пути. Доржелес не один. Кроме Гонки есть немало и других военных концернов, и разве не хорошая перспектива для литературного конкурса 20000 франков за лучшую новеллу о минометах?

АЛЬБЕРТ ГРАН

КНИГИ

Марк Аронсон «ПОБЕДИТЕЛИ»

Самое неубедительное в этой книге — ее предисловие. В нем автор, пишущий изощренную эпатирующую прозу с опаской охватывается на воображаемого приличного критика и вяло рассуждает о советском туризме. Как бы оправдывая свой замысел, он старается связать его с заветами «особенно внимательного критического изучения опыта буржуазного альпинизма».

Цель — вполне достойная. И тем не менее, если повесть Аронсона настолько отклоняется от этой цели, что воспринимается как «чистая беллетристика», она нисколько не теряет права на читательское внимание. Действительно — в повести рассказывается о походе на вершину горы св. Ильи. Но если бы в ней рассказывалось о полете в стратосферу или о путешествии в дебри Африки, она ничто не утратила бы в своей художественной ценности. Потому что в ней подвигнуты творческому рассмотрению не столько методы буржуазного альпинизма, сколько психологическая и социальная подоплека любого буржуазного начинания, опьяненного претензией на героизм. Лучшее всего (вопреки своему предисловию) это понимает сам автор: вав в основу повести историческую экспедицию 80-х годов, но обставляет ее вымышленными персонажами и событиями, которые позволяют ему более углубленно развернуть свой замысел.

Сюжет повести динамичен и приключен. Он построен на пересечении «героических» маршрутов двух экспедиций, отправляющихся на южные неприступные горы св. Ильи. Первая — это четыре американских студента из породы бездельников и рекорсменов. Вторая — более солидная — экспедиция итальянского герцога, мечтающего о популярности, лавандонской славе и звании члена долинского клуба альпинистов. Победителями оказываются итальянцы, но слово «победители» естественно и закономерно замыкается к концу повести в кавычки: столько изюсти и находки выявляет каждый этап их похода.

Все это рассказано живо, занимательно и не без иронии. Но общее впечатление от книги несколько омрачается ее двойственностью: как исторический эпизод она поверхностна, а как творческое обобщение наличием связанного хронологическими комментариями.

ГЕРМАН ХОХЛОВ

КНИГИ В ГРАНКАХ

Том VIII полного собрания сочинений М. Горького выходит на украинском языке в издательстве «ММ» (Украина). В этом же издательстве на еврейском языке печатается поэма А. Бельмонтского «Ночь маленькая политотдела» в переводе М. Хавцевича.

В том же издательстве печатается односторонним Швецию под редакцией А. Хемли и Е. Шаблюмова. В составлении комментариев и примечаний приняла участие научные сотрудники Института имени Т. Шевченко. Односторонним предисловием выступила статья А. Хемли «Великий демократ-политический лидер». Объем сборника — 30 печ. листов.

К ВСЕСОЮЗНОМУ СОВЕЩАНИЮ ОЧЕРКИСТОВ ЛИТЕРАТУРА БОЛЬШИХ ФОРМ

В течение последних пяти лет советский художественный очерк бурно рос в количественном отношении. Не будет преувеличением сказать, что такого очеркового наводнения еще никогда и нигде не наблюдалось в истории мировой литературы. Очерковый прибор, как весенние воды, прооравшие плотины, безудержно и злорадно заливал газетные полосы, страницы журналов и высоко заместывалась массовыми тиражами очерковых книг.

Этот очерковый «шторм унд драг» в последнее время заметно идет на убыль. Мы явно приближаемся к переломному моменту в развитии советского очерка. Самое время, следовательно, подытожить, анализировать, делать прогнозы.

Количественный рост нашей очерковой литературы не сопровождался, к сожалению, соответствующим качественным расцветом этого жанра. Причины этому много. Одна из основных — это резко недостаточный культурный уровень очеркистов и недостаточная литературная квалификация большинства из них.

Опытные писатели-беллетристы, знающие хорошо свое ремесло, обладающие достаточно большим художественно-литературным опытом, не хотят, за малыми исключениями, работать над очерком. Новички писательского цеха с легким сердцем и с большими надеждами принимаются за писание очерков как за первую ступень литературной практики. Результат получается печальный и для литературы и для литературного молодяка. Очерков у нас много, обильна и наша советская земля, тематика очерков весьма горячая, самая нужная, авторы полны похвального рвения, а читатель скучает и, за нужду, заевая, прочитывает один очерк из десяти.

потливое, а в известном смысле даже безнадёжное, так как, строго говоря, таких границ в природе нет. Граница жанра — это «ирреальная линия». Не случайно Пушкин назвал лучшую свою поэму романом, а Гоголь свой капитальный толстый бытовой роман — повестью. Это не игра в термины и не литературное кокетство. Это классические примеры употребления терминов по существу, невзирая на формальные признаки. Если так подходить к делу, то, пожалуй, некоторые из наших толстых романов пришлось бы «разжаловать» в очерки и притом в плохие, а какие очерковые книги удостоились бы произведений в чин романов или повестей. Но дело не в границах жанров и не в названиях.

То, что принято в настоящее время объединять под общим наименованием очерков, на самом деле отнюдь не отличается однородностью. К очеркам причисляют у нас и газетную статью о том, как ликвидировали прорыв на предприятии, и записки Крыленко о восхождении на Памир, и бессодержательные письма юного комсомольца, плывущего по морю на советском судне и ничего не умеющего различать сквозь солнечную дымку и пелену туманов, и жаркую, полную волнующего смысла историю коллективизации кубанской станицы, и портреты начинающих политотделов. Все это очерки, хотя читатель не найдет в них ни единства формы, ни однородности содержания. Единство очеркового жанра держится исключительно на методах создания художественного образа. Внутри жанра необходимо различать большое разнообразие художественных форм как созданных в предыдущие литературно-исторические эпохи, так и создаваемых новыми возможностями социалистического строительства. В отношении художественной формы очерк, несомненно, эластичен, гибок, богат беллетристичен. Богатство это до сих пор не изучено.

Очерк начинается на самой неуловимой границе художественной прозы и нередко ее переступает. Переход границы совершается в обоих направлениях. Автор «Путешествия на корабле Бигль» не задавался, надо думать, целями художественного описательства, однако книгу его по справедливости можно причислить к лучшим образцам классического художественного очерка. Наоборот, Чехов не сумел применить своего высокого мастерства к работе над дикой «Остров Сахалин» и написал скучный и черствый статистико-этнографический трактат. Благодаря наличию переходных и смешанных форм подчас нелегко отличить художественный очерк от научной, и особенно от публицистической статьи. Гельмгольц свое «Учение о звуке» начинает яркими красочными страницами, в которых образность стила поднята на большую художественную высоту, что, впрочем, не превращает знаменитый и классический научный труд в художественный очерк. Писарев в своих публицистических статьях, стремясь изложить всецело внимание читателя, несомненно и быстро вращал в область художественного очерка.

Ученый пафос Гельмгольца и публицистический жар Писарева не заурядные, не повседневные явления. Мы, однако, не очень-то затрудняемся изучением подобных вещей. У нас автор публичности газетного похода от души полагает, что написал «художественный очерк», если он украсил более или менее беспомощные изложения бесконечных наблюдений из живых фактов тяжкой штампованной риторикой описательства. Неправильно отгульно противопоставлять очерк беллетристике как «малую» форму «большой». Сам очерк допускает и малую форму и форму большую. Малая форма — это очерк газетный, отчасти журнальный. Его задача — художественный посыл отдельных событий и фактов, имеющих преимущественно повелевательное, текущее значение. Наш газетный очерк стал слишком громоздким, слишком тяжелым. Коренное изменение его характера становится насущной потребностью. На другом полюсе стоит очерк больших форм, лучшим примером которых в советской литературе должны стать книги из серии «История заводов». Художественные требования, предъявляемые к этому роду эпозем, должны быть не менее высоки, чем к романам. Очерковые «большие полотна» должны занять в советской литературе видное и почетное место.

К сожалению, нужно констатировать, что к созданию очерковых «больших полотен» мы очень слабо подготовлены. Лишь в малой и совершенно недостаточной степени проделана работа по отысканию методов и путей для создания художественных обобщений и художественных композиций очерковых эпопей. Отсутствие опыта и традиций приводит к тому, что автор, задумавший большую очерковую работу, сразу наталкивается на ряд сложных и трудноразрешимых вопросов художественного творчества. Над творческими методами в беллетристике много думано и передумано. Много копий сломано в критических бабах, выделены и изучены классические образцы. Над творческими методами больших очерковых произведений не работал почти никто. Советская литературная критика этой проблемы до сих пор перед собой вовсе не ставила. И автор, затеявший писать очерковую эпопею, вынужден нащупывать свой творческий путь, руководясь одним лишь своим художественным чутьем да наспех сколоченной «рабочей» теорией собственного кустарного изготовления.

Советский очеркизм больших форм вовсе не должен возникать и расти на дикой и необработанной почве. Есть и в этой области не малое культурное наследие, есть образцы, на которых должно учиться и у которых можно заимствовать для начала не мало ценного художественного опыта. Однако в области учобы и классиков, или, вернее, говоря, изучив классиков, у наших очеркистов дело обстоит из рук вон плохо. Много хуже, чем у беллетристов. Всем известно, что писать романы нужно учиться у Толстого и у Бальзака, что классиками рассказа и повести являются Мериме, Мопассан, Чехов, Горький. А кто же классики очерка, у кого очеркистам учиться создавать свои малые и в особенности большие полотна? Не будучи ни писателем, ни литературным критиком, Т. Калинин правильно и очень удачно рекомендовал молодым советским писателям изучать язык большой классической эпопеи «Фрегат Паллада». Однако род языка у этого классического произведения учиться, пожалуй, нечему. Между тем мировая художественная литература чрезвычайно богата большими и малыми очерковыми произведениями. Есть они и у Вольтера, и у Гейне, и у Пушкина и у Тургенева. Что касается путешествий, воспоминаний, записок современников, художественных нафлетов, автобиографий, то произведения этого рода составляют, вероятно, самый обширный раздел мировой литературы. На протяжении XIX в. мы имеем исключающее богатство очерковой беллетристики и очерковых художественных форм от романтического Штерна до очерковых романов Жюль Верна. В русской литературе были целые направления очеркистов, возглавлявшиеся Решетниковым, Успенским, Короленко. Наконец, мы обладаем таким исключительным по своей художественной ценности произведением, как «Былое и думы» Герцена. На историю литературы пенять и жаловаться не приходится: есть у кого поучиться советским очеркистам. Нужно только эту учобу правильно организовать, чтобы обеспечить сознательный и критический подход к классикам очерка на основе марксистского анализа.

Борис Кушнер.

Том VIII полного собрания сочинений М. Горького выходит на украинском языке в издательстве «ММ» (Украина). В этом же издательстве на еврейском языке печатается поэма А. Бельмонтского «Ночь маленькая политотдела» в переводе М. Хавцевича.

Том VIII полного собрания сочинений М. Горького выходит на украинском языке в издательстве «ММ» (Украина). В этом же издательстве на еврейском языке печатается поэма А. Бельмонтского «Ночь маленькая политотдела» в переводе М. Хавцевича.

Том VIII полного собрания сочинений М. Горького выходит на украинском языке в издательстве «ММ» (Украина). В этом же издательстве на еврейском языке печатается поэма А. Бельмонтского «Ночь маленькая политотдела» в переводе М. Хавцевича.

Том VIII полного собрания сочинений М. Горького выходит на украинском языке в издательстве «ММ» (Украина). В этом же издательстве на еврейском языке печатается поэма А. Бельмонтского «Ночь маленькая политотдела» в переводе М. Хавцевича.

Том VIII полного собрания сочинений М. Горького выходит на украинском языке в издательстве «ММ» (Украина). В этом же издательстве на еврейском языке печатается поэма А. Бельмонтского «Ночь маленькая политотдела» в переводе М. Хавцевича.

КАК НА ЛЮДЕЙ, СОВЕРШИВШИХ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ.

Что ж они сделали? Не посчитавшись с охранной грамотой, выданной раскольнику-куцу Денисову президентом Бурмистерской палаты купцов Шориним на право беспрепятственной торговли. На крик Денисова «судно и дело» входит офицер Петра (и сын купца) Алеша Бровкин и берет под стражу, узнав, в чем дело, обоим: и воеводу и монаха.

Отразив роль русского торгового капитала в романе как главной движущей силы. А. Толстой во второй книге мало рассказал про капитал и торговлю.

Несмотря ни на Новоторговый устав 1667 г., ни на политику mercantilism, несмотря на все писания Посошкова, — иностранный капитал в петровской России был жизнеспособным и действенным.

Старые торговые династии Петра Марсеяса, Берали, Фензеля крепко утвердились в России, от этих корей шелла молодая порода — сыновья и внуки. Они, как и дети Бровкина, бились за первенство в жизни; торговали, конкурировали с русским купечеством при помощи «молоточ» людей, мелких русских купчиков, держали почти, как Винагу.

Если в первой книге романа иностранные купцы преобладали над русскими и роль их была очень подчеркнута, то во второй книге иностранные купцы почему-то почти совсем оставили поле битвы с русским торговым капиталом.

Так же как и в первой книге романа, А. Толстой схематически изображает тогдашнюю русскую промышленность, ограничиваясь только несколькими упоминаниями о положении заводе Бровкина, о ткацком производстве крепостных, попадавших в новую неволю — на заводы предпринимателей петровской эпохи.

ниточка социальной связи: со старцем Андреем Денисовым, главою раскола на Севере, с Нектарием, раскольником-извергом. Тула же выехал для вербовки солдат в петровскую армию Алексей Бровкин. Далеко от Петра, в северную глушь ушел роман.

Он обнаружил там новых людей — «выскающих града» и повязанных чужей религиозной фанатией был вызван гнетом крепостничества и «набегом торгового капитала».

Но в романе далеко не исчерпана характеристика раскола. Это было движение, направленное против дворянства, старого боярства, против правительства. В раскол уходило по разным причинам: люди религиозные — после «переметы благочестия», крестьяне — от наалоного гнета, стрельцы — от репрессий, часть старого боярства — из боярской фронды в знак протеста против новой бюрократии.

Так же как князь Роман Буйновский породился с торговым капиталом, так же, но другими путями, в капиталистический круг вошли другие князья, иногда через раскол. Это еще один парадокс тогдашней эпохи.

Старец Андрей Денисов, который изображен Толстым в романе, глава Выгорейской общины, до раскольнической деятельности — в мире был князем Мышецким из Новгорода (из той семьи, которая еще в XVII в. портилась по расчету с купцами Боровыми).

Это обстоятельство нигде не отмечено А. Толстым.

Братья Андрей и Семен Денисовы свыше 40 лет были воляями раскола. Оба они учились во время «протопреступлений» — в Киеве «проторские и грамматическому разуму» у Феофана Прокоповича и в Москве. Они были идеологами религиозно-политического движения. Но Андрей Денисов в романе показал только умным и дальновидным купечий-предпринимателем.

самой раскольнической общины — между жидким фанатиком, ханжой Нектарием и деловым, устремленным к капиталистической деятельности Андреем Денисовым, насаждавшим на Севере ремесла, строительным жеваным, вывалили и кузницы.

К сожалению, ни одной строчкой не отражена в романе иммиграция в раскольникам из-за границы. На Выгу бежали не только русские люди, но и соседних Финляндия и Швеция казальные холоды иностранных государств, прославив «вольной» жизни.

Однако к 1702 г. в общине еще не было тли 5.000 чел., о которых А. Денисов сообщил в разговоре на Петру (стр. 254).

Исследователи старообрядчества истори А. Шапов («Русский раскол старообрядчества») в Выгорейском монастыре насчитал около 5000 жителей только к половине XVIII в.

После жестоко подавленной раскопщины и стрелецких мятежей протест против режима в конце XVII в. и в начале XVIII в. начинался в широких слоях «черного» населения России, чаще всего пассивно. Опять сначала слышались только скорбные слова песни:

«Ты прими меня, мати-чистыня...» Люди мечтали о месте, «судобном безмолвном...» С этого начал и палехский живописец Андрей Голиков. Он пошел на подвиг к старцу Нектарию, но после увидел, что обман всюду. И в расколе, и в петровской армии.

У старца Голкина учился страданиям, терпению, у Петра учился убивать людей и тоже требовали смирения и послушания. «Сказано — или в огонь или в поход» — или. Сказано — умереть — умри!» Зачем? спрашивал Голиков и нигде не находил ответа. Его он по-своему учил в искусстве. Религиозная созерцательность русского забитого, но одаренного человека и протест против ужасной действительности нашли как будто бы выход.

грома, Андрей Голиков говорил Федьке: «Живет во мне сила, ну, такая сила, больше человеческой... Гляжу, зари вечерняя, сумрак — и все понимаю, так бы и разлился по небу с этой зарей, такая во мне печаль и радость...» Андрей Голиков мечтал поехать в итальянскую страну, где можно было бы поучиться живописи.

Голиков — пантеев-бродяга. Он нарисован Толстым, несмотря на клубы порохового, батального дыма, все же на фоне нестерпимого молитвенного пейзажа.

От таких нежных, лирических тонов Толстой переходит к изображению революционно-демократических тенденций, к более резким характеристикам других, гораздо более сильных людей, чем Голиков, собиравшихся бороться с государством Петра.

То тут, то там вспыхивают на миг, но тут же и потухают разговоры по старым соратникам казенного Размала, то агентов Булавина, который скоро соберет казаков и снова поднимет восстание. По Руси гуляют «попознские» вести. Но революционное крестьянское движение в романе проведено отдаленной и только пунктирной линией. А оно-то было основной силой в России, враждебной государству Петра.

Русская буржуазная историография и советский роман, проблема социалистического реализма, сюжет и типология, герои исторически и типически, «серой» и «топкой», пейзаж, батальные сцены, реалия, язык романа, — все это вопросы, которые возбуждает роман Толстого. Угнетимся мыслью, что подробнее на этих вопросах можно будет остановиться в журнальных статьях.

Немаловажным вопросом является использование источников и пособиями.

Когда С. Соловьев в своей «Истории» пытался на основе документов воскресить внешний вид провинциального русского города XVI-XVII вв., это ему не удалось. Он не обладал даром той «интуиции», которая была у Ключевского. Толстой, создавая ряд замечательных картин старой Москвы в первой книге, во второй книге обогнал город Белоозеро и вместо характеристики его отдался несколькими маловыразительными черточками.

«Все здесь было угрюмое... мутная пелена озера, тучи... плоская равнина и на ней почти накрытый туманом ветхий, деревянный город, дырявые кровли на башнях, разные лужки церкви, высокие избы с провалившимися крышами... Уныло звоня колокола...»

Это, конечно, серый штамп. Город Белоозеро был крупным перевалочным пунктом русской торговли Москвы с Севером, и он выглядел в XVII—XVIII вв. гораздо ярче.

К. А. Толстой, который так тщательно проверил биографию Петра Экзертине, будущей жены Зяте, вероятно, по источникам: Гельбигу, Шебальскому и Я. Гроту, следует предвзято иногда требовать и художественной полноты описаний и их исторической точности.

Материалов для воскрешения жизни любопытнейшего города Белоозеро было достаточно.

В Антах Юридических приведена выписка из белоозерских писцовых книг 1674 г. с подробным описанием этого города: в старом «Географическом словаре Российской империи» (М., 1801) г. Белоозерск также подробно описан; в очерке о русской торговле XVII в. Н. Котомарова писатель также мог бы найти сведения о Белоозере. Конечно, дело не в количестве сведений о тогдашнем городе: описание Белоозера могло остаться таким же кратким, но быть художественно-содержательным.

Там, где перед Ключевским стояла необходимость вскрыть причины, вызвавшие Северную войну, он распылялся в своей бессомощности. По

ведение Петра перед началом войны он обьянил какому-то «преувеличению» того, что «покажется флот в армия»; причину поражения Карла под Полтавой также психологически мпобуждениями Карла XII, который «всегда в решительные минуты способствовал успехам Петра».

А. Толстой Северную войну изобразил отнюдь не по Ключевскому.

Когда в России при «зоре» Петра разнеслась слухи о близкой войне, купцы Бровкин, Свешников и Шорин знают, что наст их война: купец Евстрат Мономов, один из первых людей гостинной сотни, прямо говорит, оправдывая необходимость войны и возражая князю Буйновскому:

«Незлая, батюшко... по-кущени так рассуждают: тесно, невозможно жить... Нет, батюшко, войны не мнновать... Хоть бы один городок, Нарву, скажем, старую парскую вотчину...» Толстой образно показывает, почему торговый капитал от Черного моря повернулся к Балтике.

Некоторые истории, начиная от Феофана Прокоповича, обьясали нарвский разгром, главным образом, изменой иностранных офицеров.

А. Толстой услышал в нарвском бою русских со шведами отголоски классовой борьбы в России. Русские солдаты убивают своих офицеров («Пряпорщику — первую пулю»), Фелька-Умойе-Грязью вместе с Голызовым дезертирует, разучив армия Петра, армия крепостных мужиков, бежит с фронта, и многие из солдат тянутся на Юг, на Дон, за Волгу, а то на Север, в раскольничью полосу, в «страну, удобную безмолвою»... до времени.

Как выглядел Петр в эту пору под Нарвой? «В мокром плаще, в шляпе с отвисшими полями, молчаливый... появлялся на серой кобыле из дождевой завесы, остановившись, поглядывал стеклянными взором и туман лысье по нарытому полю — в шагах...» Как непохож здесь Петр на Медного Всадника! Вперед! Он же ждет тяжелая

служба купцам и помещикам. Петра с ними, по словам Ивана Бровкина, «бог связал одной веревочкой».

У Толстого в романе живая русская речь XVII-XVIII вв. воспроизведена не просто с большой точностью. А. Толстой хорошо видит и слышит мимолетную жизнь. Он обладает высочайшим художественным чувством меры и инет о самом главном. Язык романа — образный и простой, в нем не слышно отзвуков лабораторной работы писателя.

Крестьяне и бояре, юродивые и «ищенцы» Петра разговаривают в романе Толстого индивидуализированным и выразительным языком.

В нем — то следы грешней русской риторики, то пелогизмы петровской эпохи, то привнесено только что из Парижа заковыристое иностранное словечко.

В этот ослеп вошла: образная грубость тогдашнего русского языка с его содержательной краткостью, пронизанная и лукавым юмором прашибеленного крестьянина XVIII в., и ядовитым сарказмом протопопа Аввакума.

Вторая книга романа — значительное событие в советской литературе. Эта реалистически написанная книга высоко поднимает советский исторический роман.

Советский писатель, приступающий к работе над историческим романом, должен стать прежде всего исследователем-историком. А. Толстой показал, как можно критически овладеть источниками, как обращаться с фактами и словом, какойнейкой должна быть вся эта работа.

МОСКВА. В парке культуры и отдыха им. М. Горького.

ПИСАТЕЛЬСКИЕ СЪЕЗДЫ И КОНФЕРЕНЦИИ

В НАДЕЖДЕ НА ДРУГИХ

От нашего корреспондента

17 июня открывается конференция писателей Горьковского края. Кроме писателей и литераторов города на ней будут участвовать около 40 представителей районов края, а также литературные силы Чувашской автономной республики, Марийской и Удмуртской областей.

Конференция обсудит отчетный доклад Горьковского оргкомитета ССП, содоклады краисовета о руководстве массовым литературным движением в крае и Чувашского оргкомитета о литературном движении в национальной автономии.

Особое внимание на конференции будет уделено творческим вопросам. Кроме доклада представителя всесоюзного оргкомитета о творческих задачах писателей конференции будут обсуждены доклады о произведениях писателей Горьковского края (проза — доклад т. Коробельникова, поэзия — доклад т. Рюрикова и драматургия — доклад т. Барсукова).

Краевой конференцией писателей предоступают подобные же конференции во всех трех национальных автономиях края, 5 июня состоится конференция писателей Удмуртии, 10-го — Чувашии и 12-го — Марийской области.

Кроме того накануне краевой конференции в Горьком проводится литературно-художественная сессия. К 17 июня готовится поэтический альманах, выходит очередной номер литературно-художественного еженеделника «Натиски».

Проведение краевой писательской конференции имеет исключительное значение, так как именно она должна быть обеспечена решительным переломом во всем литературном движении Горьковского края. Несомненно, что в Горьковском крае в связи с подготовкой к съезду писателей литературное движение за последние время значительно окрепло. В течение последнего месяца организовались новые литературные кружки в таких отдаленных районах, как Омутинский, Санчурский, а также в Лыскове, Ворытыче и ряде других. В Богородском сельхозрайоне готовится краевая конференция и всесоюзному съезду писателей. По этим вопросам среди колхозников проводится беседа, в колхозах идет обсуждение крупнейших произведений современной художественной литературы.

В Сормово райком партии проводит литконкурсы рабочих-авторов. В Омутинские литкружки работают зал истории омутинских предприятий. Но тем не менее приходится констатировать, что в Горьковском крае подготовка к краевой конференции и всесоюзному съезду писателей проходит далеко не удовлетворительно.

Бездействуют профсоюзные организации, которые, начиная с краисовета и кончая многими районными комитетами (Муром, Выкса, Сулебаки,

Балахна и др.), ничего не сделали для мобилизации внимания рабочей общественности края к такой важной дате, как всесоюзный писательский съезд. Даже на таких крупнейших предприятиях, как автозавод им. Молотова, Сормово, Бумкомбинат, которые находятся «под носом» у краисовета и горьковского оргкомитета ССП не развернуто необходимой массово-разъяснительной работы.

Профсоюзные библиотеки не занимаются над тем, как они отметят краевую конференцию и всесоюзный съезд. И только музей им. М. Горького совместно с центральной библиотекой им. Ленина предпринимают организовать выставку художественной литературы края.

Не готовится к съезду писателей и краевые ОГИЗ (руководитель т. Залескин), которые, кстати сказать, не ведут практической работы с рабочими-авторами и, как это ни странно, вообще не уделяют должного внимания краевой художественной литературе.

И, наконец, немалая вина в слабой подготовке к краевой писательской конференции лежит на Горьковском оргкомитете союза писателей, который в этом деле не проявил должной инициативы и расторопности. Конечно, мало послать двух представителей в восемь районов, мало послать своих представителей на писательские конференции в национальностях.

А ведь Оргкомитет имел неплохой план подготовки к краевой конференции. Предполагалось организовать встречу писателей с руководящими работниками Горьковского края. Встречи не было. Предполагалось организовать встречу писателей с Красной армией. Встречи не было. Наконец, предполагалось организовать не один ряд творческих отчетов горьковских писателей на предприятиях Свердловского, Канавинского, Автозаводского и Сормовского районов. Творческих отчетов не было. Только состоялась «чашка чая», на которой обсуждалось произведение Штанова «Комбинированная умица».

А между прочим Оргкомитет за последнее время неомоимо несколько ослабил руководство низовыми литературными организациями и литкружками. Нам пришлось побывать в крупнейших литкружках края — Вятке, Слободском, Арамасе. И везде говорят одно и то же: Оргкомитет не руководит нами. Точно такие же жалобы поступают и от районных литературных кружков (например, в Балахнинском бумкомбинате). Горьковский оргкомитет слишком понадеялся на краисовет, который никогда не проявлял себя особенно активным в области развития и укрепления массово-литературного движения.

АРК. ЛИТВИН.

УКРАИНСКИЕ ПРОФСОЮЗЫ — СЪЕЗДУ

ХАРЬКОВ. (Наш корр.). Всеукраинское бюро писателей (ВУБП) при ВУК профсоюза полиграфистов готовится к всеукраинскому и всесоюзному съезду писателей.

Намерено провести совместное с ВУСНС и оргкомитетом ССП обследование деятельности ряда ВУК профессиональных союзов и крупных фабрик-заводов под углом зрения участия их в деле развертывания литературно-массовой работы. После обследования на заводах, фабриках, предприятиях будут созваны собрания, посвященные вопросу подготовки профессиональных организаций к съезду.

В ближайшие дни будет проведено совместное совещание ВУСНС, оргкомитета, ВУК полиграфистов, издательства, административного аппарата, ударников полиграфии и художников по вопросу о задачах советской литературы и борьбе за повышение качества полиграфической продукции.

К съезду приучивается официальное открытие уже работающего Дома творчества в Лохвице.

Намерен также ряд мер по улучшению культурно-бытового обслуживания писателей — усиление снабжения, упорядочение общественного питания, обслуживание санаторно-курортной помощью, расширение жилищной помощи писателей и т. д.

СМОТР ЛИТКРУЖКОВ В РОСТОВЕ

РОСТОВ. (Наш корр.). Готовясь к съезду писателей, краисовет совместно с Оргкомитетом ростовских писателей начал проверку всех литературных кружков на предприятиях края. В связи с этим по клубам, избачившимся организовались творческие вечера с отчетом писателей о проделанной ими работе. Во всех крупнейших клубах Ростова проводятся читательские конференции, посвященные разбору лучших художественных произведений писателей и начинающих авторов.

До 10 июня в крупнейших пяти городах края (Новороссийск, Таганрог, Шахты, Краснодар, Армавир) будут проведены широкие рабочие литконференции.

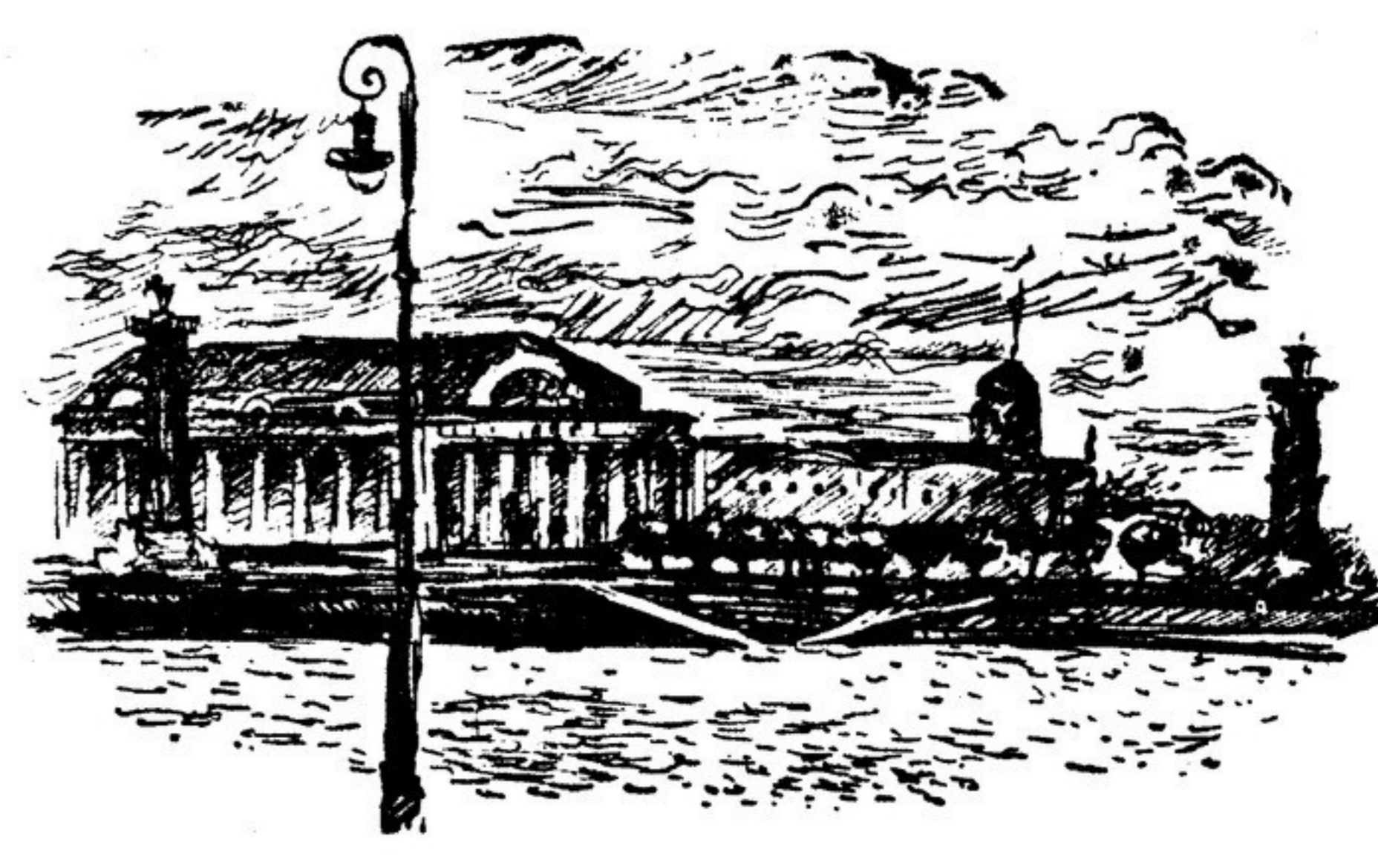
Краевая конференция откроется 19-20 июня. Писатели встретят съезд новыми произведениями. Вышли книги: А. Бусыгина «Семья Бессергеевых», П. Яковлева «Первый ученик» (премирована на краевом конкурсе на лучшую детскую книгу), Каца «Мы открываем утро» (стихи), Горбан «Лаб».

К съезду выходит сборник критических статей о ведущих писателях края, издаваемый кафедрой литературы педагогического института.

Большим недостатком в подготовке к съезду является то, что краевая печать очень слабо освещает вопросы литературного движения.

Краисовет обязал все профсоюзные организации края еще шире развернуть творческие соревнования литературных кружков, организовать выпуск специальных литературных страничек в заводских, совхозных многотиражных газетах. Выявляются начинающие рабочие-авторы для привлечения к литературной учебе в литкружках. Собран ряд очерков, рассказов и стихов, которые будут напечатаны в отдельном сборнике начинающих авторов к открытию съезда.

А. УСТИНОВИЧ.

ЛЕНИНГРАД. Бирва.

А Ф ЗА Л ТАГИРОВ

К 25-летию литературной деятельности

Сочетание в лице Тагирова большого советского и партийного работника (он член президиума ЦИК СССР, председатель БашПИК, член бюро областного комитета партии) и писателя имело большое значение для развития советской литературы в молодой Башкирской республике.

Тагиров начал писать в 1907 г. в годы реакции. В своих первых произведениях («Вичура», «Продажные девушки», «Угнетенные женщины») Тагиров разоблачал неволю народных масс, суевереие, многоженство в отсталой колонии царской России.

В годы оживления революционной деятельности, накануне мировой войны Тагиров напечатал «Литра» (1912), где звал уже к вооруженному восстанию. Это было первое значительное революционное произведение башкирского писателя.

В первые годы мировой войны окончательно определилось лицо Тагирова — лицо писателя-большевика. Его произведения, написанные в этот период («Эстрак Элямар», «Зимогорный»), рассказывают о неважных военных службах в царской армии, знакомых с работой подпольной большевистской организации, показывая быстрый рост классового самосознания среди населения Башкирии.

Писатель-большевик органически участвует в социалистическом строительстве и пылко наблюдает жизнь. В его книгах «Кровь машин», «Комсомолец», «Фабрика зерна», «Завод» нашли отражение такие темы, как проблема топлива в Башкирии (ширмаевская нефть), роль коммунистической молодежи на различных участках социалистического строительства, организация совхозов, индустриализация края.

Тагиров работает также и в области драматургии. Им написаны 23 пьесы, некоторые из них и сейчас являются основными в репертуаре башкирских театров («Аттар», «Сибиряк Гильгамеш»).

Все произведения Тагирова отражают практику революционной борьбы пролетарской Башкирии.

25-летие литературной деятельности астага Тагирова в расцвете творческих сил.

Редакция «Литературной газеты» приветствует в день 25-летия литературной деятельности писателя-большевика Афаля Тагирова и желает ему дальнейших успехов на фронте литературы.

Н. СЛАВЯТИНСКИЙ.

УРАЛО-КУЗБАСС В ЖИВОПИСИ

Большую юбилейную выставку «Урало-Кузбасс» организует Московский областной союз советских художников. Выставку намерено открыть в Москве в первой половине XVII партсъезда. Впоследствии выставка будет показана в Казахстане, Сибири, Башкирии и на Урале.

В Башкирии, Казахстане, Западной Сибири, на Урале созданы комитеты содействия выставке. Привлеченные к выставке художники будут работать в тесном контакте с этими комитетами. Часть произведений отразит также состояние областей до революции и во время гражданской войны. Всего в выставку будет подготовлено около 800 произведений.

Над созданием произведений к выставке уже работают тт. Иогансон, Чашинкин, С. Герасимов, Мельков, Н. Котов, Терпихов, Малоров, Лынов, Моранов, Пименов, Машков, Шедляк, Погаржевский, Перельман, Адаманкин, Романин и др. Всего привлечено около 100 художников.

ВЫСТАВКА Н. МАСЛЕННИКОВА

В клубе «Авахики» открылась выставка художника Н. Н. Масленникова, на которой представлено 45 работ художника.

СПРАВОЧНИК О ХУДОЖНИКАХ

Издательство «Всекохудожник» готовит к печати справочник-указатель «Художники РСФСР».

Справочник, составленный т. А. Григорьевым, содержит подробные справочные данные о всех наших художниках, которые после Октябрьской революции участвовали в тех или иных выставках.

ПОПРАВКА

Из статьи А. Селвановского «Реализм и тенденциозность» («Л. Г», 2 июня) выпало несколько слов. Фразу, начинающуюся на 4-й строке сверху 3-й колонки статьи, нужно читать так: «События книги развращают нас — это около рубежа XIX—XX вв.», хотя по отдельным намекам можно предполагать, что Пера Бах хотел хотя бы мельком отобразить и северный поход кавказской армии, и рост коммунистического движения».

Ответственный редактор А. А. БОЛОТНИКОВ.

ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное объединение.

ИЗВЕЩЕНИЯ

4 июня, в 18 ч., в редакции «История метро» (ул. Горького, 18, к. 24) — обсуждение литературного дневника рабочего Метростроя М. Бондарева. Доклад о дневнике — Н. Кулагина.

4 июня, в 19 ч., в Оргкомитете ССП (ул. Воросского, 52, к. 14) — творческий вечер молодого писателя Иванова (Болшевская трудкоммуна).

ВЫШ А ИЗ ПЕЧАТИ

4 РАССЛАЕТСЯ ПОДПИСЧКАМ «АД ЖУРНАЛ КОГКЗ»

ЛИТЕРАТУРНАЯ УЧЕБА № 3

под редакцией М. Горького.

Редакция: М. Горький, И. Груздев, В. Денискин, Е. Доби (зам. редактора), В. Кирпотин, А. Селвановский.

Содержание номера: (Литературное наследство) А. Камелутов. Трагедия Гогила. В. Рензов. Утопические романы Вождя. Современная литература В. Каменки. Литература и музыка. А. Иоффе. Показать настоящее и будущее советской науки. Я. Лорфин. Темы, ожидающие развития. Приблизить литературу к науке.

Язык и стиль В. Гогила. О литературном языке. В. Ларин. Грамматические очерки современного русского языка. Мелодия вальса Г. Бланшера. О советской сюжетной пьесе. А. Дюков. Поэзия на страницах районных газет Ленинградской области.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ РАБИС

КОГКЗ Орган ЦК Рабис

Журналы, охватывая все вопросы работы Союза в области театрального, кино, музыки, изобразительных искусств, цирка, эстрады, радио и фото, ставят задачей выявление и показ опыта работы художественных предприятий.

С № 4 журнал издается ИЗОГИЗом на улучшенной бумаге, в мелкой обложке и с цветной вкладкой.

Подписная плата остается прежней: на 6 месяцев (до конца года) 13 рублей 50 к., на 6 мес. — 9 руб., на 3 мес. — 4 р. 50 к. Цена отдельного номера 1 р. 50 к.

Подписка принимается всеми отделениями, магазинами, киосками и уполномоченными КОГИЗ'а и венду на почте.

КОГИЗ — Гл. Контора подписных и периодических изданий Москва, Марослевка, 7.

В Ташкенте

РАСТЕТ МОЛОДАЯ ЛИТЕРАТУРА

ТАШКЕНТ. (Наш корр.). 25 июня — народных поэтов — насчитывается в Хорезме. В этом отдаленном, отрезанном песками оазисе Узбекистана растет молодая советская литература. В актив писателей уже влился ряд произведений. Абдуллаев написал поэму о борьбе с коррозией басмаческим курбани Ханджи-Наумом «Полат Ватир», И. Юсупов — пьесу о женщине в колхозе «Юк-салтыш Курбан Умаров — поэму «Зафар». Абу Тамбар — пьесу о борьбе с кулачеством, пролезающим в колхозы — «Ак алтын ачаганда», Карим Рахимов — халджи-шоир (поэт-эпиграммист) — сатирические стихи «Буларды корин». Плохо, однако, развита литература в Чувашии. Газеты слабо руководят литературным движением.

ТРУДЫ О ЯЗЫКЕ

ТАШКЕНТ. (Наш корр.). Сектор языка недавно созданного института литературы и языка уже успел развернуть значительную работу. Вышло два сборника «Труды о языке». В этом году задается ряд работ, в том числе: Улут Турсуна — «Словообразование в узбекском языке», Буфорова — «Гипн синтаксических конструкций в узбекском языке», Багваров — «Вопросы классификации узбекских говоров», проф. Шадиялова — «Библиография по узбекскому языку», Романова — «Описание ташкентских говоров в социальном разрезе» и др. Пролетарские труды узбекского языка и литературы в социальном разрезе и обработке их для узбекского толкового словаря. Однако надо отметить, что разработка проблем узбекского литературного языка не включена в план УЛПИЯ.

КНИЖНАЯ ВИТВИНА

В ЛенГИХЛ вышел новый роман Г. Шилина «Револунгет». Первая часть романа посвящена знаменитому лыжному рейду интернациональной военной школы; вторая часть написана на материале современной Карелии.

Институт ЛИЯ ЛОКА издал в ЛенГИХЛ сборник статей, посвященный 50-летию со дня смерти И. С. Тургенева.

Вышел из печати роман О. Форш «Ворон» (ЛенГИХЛ).

В Харькове

ЦК КП(б)У О ХОДЕ СТРОИТЕЛЬСТВА КИНОТЕАТРОВ НА СЕЛЕ

ХАРЬКОВ. (Наш корр.). В своем постановлении от 29 мая ЦК КП(б)У отмечает неудовлетворительный ход строительства кинотеатров на селе в большинстве районов Украины. Особенно неудовлетворительно протекает строительство кинотеатров в Черниговской, Донецкой, Киевской областях и АМССР.

Работа Донецкой и Черниговской обкомов КП(б)У признана ЦК недостаточной.

ЦК КП(б)У обязал все обкомы под ответственность первых секретарей принять решительные меры к широкому развертыванию строительства кинотеатров, обратив особое внимание на использование периода до начала сельскохозяйственной уборочной кампании.

ЦК ЛКСМУ предложено привлечь к активному участию в строительстве кинотеатров комсомольские организации с тем, чтобы каждый районкомсомола в тех районах, где идет строительство, непосредственно отвечал бы за ход его.

ОЛИМПИАДА САМОДЕЯТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА

ХАРЬКОВ. (Наш корр.). Заключилась городская олимпиада самодеятельного искусства.

Олимпиада выявила большой рост самодеятельного искусства и наличие значительных талантов среди трудящихся Харькова.

ДВОРЕЦ ПИОНЕРОВ И ОКТЯБРЯТ

ХАРЬКОВ. (Наш корр.). Как уже сообщалось в прессе, здание ВУЦИК в связи с переносом столицы Украины из Харькова в Киев отводится под Дворец пионеров и октябрят.

Специально созданное харьковским горсоветом совещание пионеров, комсомольцев и работников искусств обсудило вопрос о том, каким должен быть дворец.

Отвечая основному своему назначению быть культурным очагом коммунистического воспитания детей, деятельность Дворца должна быть увлекательной, веселой, живой и интересной. С этой целью во дворец будут организованы театр, кино, различные лаборатории, библиотека, физкультурный кабинет и пр.

Открытие дворца приурочивается к Международному юбилейному дню.

БЕРАНЖЕ о ремесле писателя

Одна сторона деятельности Беранже до последнего времени мало привлекала внимания. Это его работа с молодым писателем и, в частности, с поэтами-рабочими. До нас дошла около ста его писем по вопросам литературного мастерства, в которых много свежих, захватывающих страниц. Часть из них будет напечатана в переводе автора этой заметки во втором томе сочинений Беранже, подготовленном к печати издательством «Академия».

Ниже помещаем два письма Беранже. Одно из них адресовано известному поэту-башмачику Савиньну Лапунту. Второе адресовано известному юноше-поэту. Оно содержит замечания о необходимости выбора жанра, наиболее соответствующего дарованиям писателя. Как это важно, знал по собственному опыту Беранже, после пятнадцати лет исканий смеявшийся над тем, что он начал свою литературную деятельность с христианских идеалов, потеряв неудачу в героической поэме, не пошел кальсе лаборского романа, где на манер Жюль Верн защищал эвасианскую женщину, никогда не мог написать комедии, несмотря на все свое остроумие, но написал оперетту, жанр, к которому он, по его собственному признанию, относился с презрением.

Господину Савиньну Лапунту

Пасси, ноябрь 1843 г.

Если вы ищали в вас сборник, мой дорогой Лапунт, то я желаю, чтобы все произведения, которые войдут в него, отличались такими же достоинствами, как те, которые мне известны. Однако, несмотря на всю мою поэзию, здравый смысл и остроумную композицию, будьте готовы к упрекам, которые вам, быть может, придется выслушать, упрекам в чрезмерной роскоши некоторых картин, в неблаговидности некоторых выражений. Но когда вы приняли решение драматизировать сатиру правды и передать в стихах то, чего она, бедное дитя улицы, казавшееся, не могла до той поры выразить, вы сами уже не раз сталкивались с описываемой вами нуждой. Что же удивительного, если к словам, которые скорбь вырывает у того, кто льет эту горькую чашу, примешивается немного яду? Они не вызывают удивления ни у тех, кто подвергает такую же испытанию, ни у тех, кто умеет провалить сострадание к несчастью, которых они избежали. Слава богу, число последних значительно больше, чем принято утверждать у нас в век, который охотно клеветает на себя. Несмотря на положение, в которое вас поставила судьба, продолжайте путь, не оставая ремесла башмачника. Кое-кто порицал рабочих, которые отдаются изучению наук и литературе. Это по недомыслию. Разумеется, понятно желание подвигать манюю к литературе, наблюдаемую у некоторых, к какому бы состоянию они ни принадлежали, если они способны только на заимствование, но на людях с оригинальными дарованиями, выросших в среде рабочих, лежат, как мне кажется, миссия просвещать, поднимать этот самый многочисленный класс. Те песни и книги, которые являются порождением рабочих слов, никогда не будут пользоваться в трудящихся среде таким успехом, как простое пролетария, влюбленного любовью к своим братьям.

Обладая таким великодушным, смелостью и чувствительностью, вы не должны отклоняться от избранного вами пути. Наградой вам будет любовь, которую вы принесете своим товарищам по страданию, и одобрение со стороны людей с великодушным и добрым сердцем. Желаю вашему сборнику, мой дорогой Лапунт, такого же успеха, какому давно уже пользуются многие стихи, которые войдут в него. А ваш талант, который и теперь уже так замечателен, в дальнейшем только разовьется, и я желаю, чтобы благодаря вашим новым усилиям вы смогли занять, к чести пролетариата, высокое место в литературе нашей эпохи.

(Переписка, том III, стр. 289 и 290).

Господину Х.

1 марта 1847 г.

Недомогание удерживает меня дома, и я могу прочесть ваши стихи немедленно по их получении. Спешу

ПЬЕР-ЖАН БЕРАНЖЕ. Гравюра на стали из книги издания 1845 г. (Париж).

отдать вам отчет в моих впечатлениях. У вас есть оригинальные мысли и есть талант, но вам надо еще набраться мыслей, а талант надо совершенствовать. Ваши стихи далеки от той распыленности, которой столько злоупотребляли, и у вас, повидному, есть склонность к правильной композиции; я поздравляю вас с этим: пора отбрасывать от той несвязной и туманной поэзии, которой наводнена наша литература последние пятнадцать лет. Но раз вы хотите в ваши молодые годы создать себе как поэту будущее, то надо теперь же выбрать тот жанр, которому вы отдадитесь. И в этом заключается очень большая трудность; каким жанром следует отдать предпочтение в наши дни? Если вы еще ничего не решили по этому поводу, то продолжайте своим путем, без сомнения, в старую минуту сделаете ваш выбор. Что касается меня, то я не рискну высказать какое-либо мнение, потому что я по опыту знаю, как можно ошибиться даже на свой собственный счет, раз дело идет о подобном решении. Однако от него зависит ваша литературная судьба. Человек, оставшийся посредственностью в случае избранном жанре, мог бы стать выдающейся личностью, следяй он другой выбор; или человек, который упорно продолжает писать посредственные стихи, как все пишут их в молодости, мог бы стать первоклассным прозаиком, если бы он не увлекся рифмой, вышбейницей, которая ловыно легко оказывает первые ласки, но последние отдаст лишь тому, кто с неизменной постоянством настойчиво добивался их. Как видите, вы сами должны сделать выбор ради вашего будущего, о котором вы мне говорите. Не забывайте язык, которым у нас так

много занимается; размышляйте о стиле, перечитывайте великих мастеров прошлого, изучайте Ламартин и Гюго, и если на ваше счастье, чему я больше всего желаю, вы знаете греческий язык, то формируйте в этой великой школе. Затем, когда-нибудь, обогащенный размышлением, вы увидите, что вам должно делать для того, чтобы пойти по пути, на который вы едва вступили. Вот к чему сводятся советы, которые я могу вам дать. Но у меня есть одно соображение: чтение различных ваших поэм внушает мне мысль, что серьезный тон, кажется, больше всего илет теперь вашей музе. Я сам предпочитал его, когда мне еще не было двадцати лет. До свидания. Работайте бодро, большие размышляйте и снисходите поскорее достигнутой цели, если вы хотите, чтобы я мог еще насладиться вашими стихами. (Переписка, т. III, стр. 367 и 368).

Мы привели два письма Беранже по вопросам литературного ремесла из доброй сотни писем поэта на эти темы, извлеченных нами из его корреспонденции, частично изданной во Франции. Беранже писал со всех концов поэты различного возраста и разнообразных жанров. И не только поэты, но и прозаики, драматурги, переводчики, журналисты, собиратели народных песен и мелодий. Слово, люди различных профессий и состояний. Были среди них и скучающие барыни, которым он иногда решался давать проинические советы вроде того, что «лучше делать поземные стихи, чем неуметные произведения». Но было и здоровое, яркое, талантливая молодежь, были поэты-ремесленники и пролетарии, которые, пролетариев — самородков. Он учил их требовательности к себе как к поэтам и сам редкий год писал больше двенадцати песен. Он требовал от поэта терпеливой работы над стихом, а не импровизаций, он всегда подчеркивал, как важна в любом жанре хорошо продуманная, законченная композиция. И он отечески радовался успехам своих учеников. Он писал огромное количество писем молодым писателям, и жаль, что так много этих писем осталось неизданными или затерянными. Он принимал поэтов у себя и сам бывал у них. «Я пришел сказать вам, что вы поэт», сказал он, переступая порог комнаты Лапунта, выпустившего в 1844 г. свой первый сборник «Голос сына». Все крупнейшие представители радней французской рабочей поэзии были связаны с Беранже, и тот же Лапунт, распевавший песни Беранже под аккомпанемент сапожного молотка, и упорный Маю, терпеливо ткавший стихи и прозу, и Пьер Дюпон, написавший столько простых и выразительных являлся следом «могил яркого февраля», и итрусчетный мастер Э. Байе, и баснописец-башмачник Ламабонн, которого поэт спас от каторги, и много, много других. Эти поэты донесли лучшие традиции социально-политической песни, жанра, навсегда связанного с именем Беранже, вплоть до Парижской коммуны.

Н. СЛАВЯТИНСКИЙ.